

РЕЗОНАНС • ЕДИНСТВА

автор
НеЕгоров

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

2019 г.

Не Егоров
Резонанс единства

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Не Егоров

Резонанс единства / Не Егоров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Многие мечтают о спокойствии и безмятежности. Карл Разуто достиг этого самым простым способом - покинул мегаполис и наслаждается покоем в захолустном городке, возглавляя мелкий филиал Медиа-корпорации. Минимум суеты и спешки, сбалансированные с кошельком удовольствия, размеренное созерцание через экран чужих драм и комедий. Вывести его из равновесия может только исключительная ситуация. Или события, при которых спокойных и непричастных уже не останется. Содержит нецензурную брань.

Содержание

| | |
|------------------------------------|----|
| Резонанс единства | 5 |
| I. Наблюдатель | 9 |
| 1. Ежедневное неправильное решение | 9 |
| 2. Координатор фантазий | 14 |
| 3. Безмолвная субкультура | 21 |
| 4. Обнять необъятное | 36 |
| 5. Ave media | 42 |
| 6. Метроном недели | 50 |
| 7. Очередность поручений | 62 |
| 8. Сбой основы | 67 |
| 9. Варианты отсутствия выбора | 75 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 78 |

*В воздухе носится ассоциация,
Репером станет прямая трансляция.
Перекрестится сложет вдохновением,
Станет возможного отображением.*

*Нега фантазии прикроется верою,
Замкнутый круг обернётся карьерою.
Жажда вниманья впитает процесс,
Шёпот восторгов заглушит протест.*

*До однозначности съёжится мнение,
Близко закона определение.
Разум опёрся на твёрдость основ.
Нет возражений, фундамент готов.*

*Все предпосылки для кульминации,
Даже у автора ассоциации...*

Резонанс единства (второстепенная проекция)

«Это должна была быть повесть о самом счастливом человеке. Нет, серьёзно – я им был, у меня получалось. Это оказалось совсем не сложно, не то чтобы этому стоило учиться или без усталости совершенствоваться. Всё было просто – любому это тысячу раз советовали и столько же раз он об этом читал. Это казалось банальным и невыполнимым, казуистикой стороннего и «легко советовать» предложением. Но, ребята, оно работало!»

Презентация была сделана в демоверсии простенькой программы захвата и зарисовки изображения. Тёмный силуэт на экране был скверно обрисован и сопровождал слова дёргаными движениями рук, не совпадающими с эмоциональными акцентами произносимого. На актёрах автор, похоже, тоже сэкономил – в тёмном силуэте легко угадывалась его сутулая фигура.

Силуэт придвинулся.

«Сейчас скажу. Нет, это не секрет, его не нужно записывать и ставить статусом вашей никчёмной странички в любой из никчёмных социальных сетей. Выдохните и слушайте. Это...

Живи настоящим. Радуйся имеющемуся. Не планируй зла.

Всё, – силуэт резко отклонился назад. – И я этим жил. И был счастлив.

Пока не случилось то, что не вписывалось в рецепт. Даже хуже...»

Рядом с говорившим проявилось ещё несколько его сутулых силуэтов, старательно изображавших других персонажей. Они окрасились в тревожные цвета, выросли в размерах и нависли над героем. Герой затравленно огляделся и снова придвинулся, заполнив собой экран.

«И повесть о самом счастливом человеке превратилась в триллер о сломанном настоящем и каждодневно планируемом зле. Как? Внимайте!»

На экране замелькали нарезки из сетевых видео: скандалы в соцбюро, уличные драки, аварии и какая-то демонстрация, вяло разгоняемая стражами порядка. Поверх изображения возникли новые багрово-сутулые фигуры и надпись: «Ты уже не сможешь стать прежним!»

* * *

– Заинтересовал?..

Визитер старался скрыть собственную заинтересованность в ответе и «небрежно» откинулся на спинку кресла, чуть не уронив лежащую на коленях засаленную шляпу.

– Чем?

Шеф-редактор и хозяин кабинета недоумённо посмотрел на посетителя. Этот взгляд редактора мог относиться как к качеству презентации, так и к её содержанию. Только интонацией шеф-редактор как будто бы ещё искренне пытался разобраться в том, чем же он должен быть заинтересован.

– Этим посылом, – посетитель не выдержал «небрежности» и азартно придвинулся к столу. – Отличный, просто адский посыл!

– Посыл? И куда же?

Шеф-редактор не поменял положения, но, слава богу, использовал всё ту же интонацию. Посетитель опустил глаза на шляпу, судорожно сглотнул и решился:

– Представьте себе обычного человека, живущего обычной жизнью и наслаждающегося этим. Да-да, он осознает своё счастье, не хочет большего и полностью доволен тем, что имеет. И, может быть, только этим отличается от других – в остальном он ничем не выделяется и близок абсолютному большинству зрителей. Итак, обычный персонаж, вокруг всё стабильно – работа, достаток, друзья, окружение – все. И вдруг один его, допустим, друг начинает вести себя... ну, как-то отвязно, что ли. Грубые шутки, неадекватные действия, необъяснимые поступки и так далее. Не сразу! Пару эпизодов после разгона, после представления всех обстоятельств. Но изменения бросаются в глаза нашему герою и вызывают недоумение. А остальные не замечают! То есть абсолютно ничего – как будто бы всё нормально и ничего не происходит! И герой теряется. Он в смятении! Что происходит?!

Очень достоверно изобразив удивление озвученного персонажа, автор замер, фиксируя сцену, и продолжил:

– Я вот тут набросал эскизы нескольких сцен, квинтэссенцию, так сказать.

Он торопливо вынул из внутреннего кармана свёрнутые листы, расправил, приподнялся и положил на стол редактора несколько гнутых страниц. Шеф-редактор бросил на тощую стопку бумаги удивлённый взгляд и отодвинул в сторону. После чего сложил руки перед собой и уставился на посетителя.

– «Тинголузский туннель»?

– Что, простите?

– «Тинголузский туннель». Четырёхпроекционный сюжет, запущенный две недели назад на «Дабл-Ю-Ди-Ви». По сюжету люди, проезжающие через туннель, перестают воспринимать логику других, туннеля не посетивших.

Шеф-редактор вывел изображение на медиастену. Динамичный постер предлагал погрузиться в историю о Тинголузском туннеле – «проёме, разделяющем человечество».

– Они ещё раскручиваются, но идея понятна. Да и название загадок не оставляет, осталось интриговать только с причиной. У вас что-то подобное?

– Здесь нет туннеля, – встряхнулся автор. – Но и без туннелей наше настоящее достаточно условно! Поймите, мы существуем в условиях очень слабо сформулированного договора. Мы удивляемся, когда даже одно устоявшееся значение изменяет свой смысл. А представьте, что

вдруг изменилось несколько значений! Три... Или больше. И мой герой попадает в такой мир, где белое – это, допустим, чёрное, а красное... вообще фрукт!

– Это его восприятие или окружающие так считают? – уточнил редактор.

– Да, сначала окружение, но это же важно, и герой теряет ориентиры своей оценки! Он не понимает, непонимание порождает страх, а страх вызывает агрессию. И им овладевает зло!

Автор замер, сжав кулак перед своим лицом. Шеф-редактор посмотрел на кулак и спокойно спросил:

– Про буйных, значит, эпос?

Автор сник, убрал руку и прошептал:

– Все битвы мы ведём в себе, являя миру только поражения...

– Похоже, что так, – кивнул редактор и недвусмысленно посмотрел на бумажную стопку перед собой.

– Ну хорошо, – прихлопнул он ладонью по столу, заметив, что его намёк не достиг адресата. – Итак, до того как героя поглотило зло, кто-то в его окружении сходит с ума?

– Да. А потом ещё один.

– А потом ещё? – приподнял бровь шеф-редактор.

– Да... Или сам герой.

– Интрига. И чем вы собираетесь конкурировать с «Природной психоделикой»? Восьмой сезон, а до сих пор непонятно, кто из них сумасшедший.

– Мой сюжет про другое. Он должен затягивать без объяснений в названии, без чётких посылов и ориентиров для развития. Это необъяснимо в принципе и неподвластно осмыслению и тем более психиатрическому анализу!

– Чем затягивать? Интригой, кто сбрендил? Или почему?

– Нет! То есть причина – да, но кто, будет понятно с самого начала. Зрители будут отождествлять себя только с главным героем! Без вариантов!

– А зрительницы?

– Зрительницы?.. – автор смешался. – Зрительницы тоже. Он будет симпатичный такой. Обаятельный...

– Ясно. Хорошо, сколько всего персонажей станут безумными?

– Сколько?..

Автор вздохнул и поднял взгляд на шеф-редактора.

– Все. С ума сойдут все. По-другому не получается.

Шеф-редактор хмыкнул и недоверчиво покрутил головой. После чего придвинул к себе страницы, ещё раз хмыкнул и погрузился в чтение.

– Вы психиатр? – не отвлекаясь от чтения, неожиданно спросил он.

– Я?.. Нет, но в том-то и дело, что...

– Понятно, – остановил попытки объяснения хозяин кабинета.

Следующие несколько минут прошли в тишине, изредка нарушаемой шуршаниями ёрзающего автора. Наконец шеф-редактор закончил чтение, положил финальную страницу поверх остальных и поднял взгляд на посетителя.

– Что ж. Военные, значит, проводят мессы, а священники – расследования. И полиция выходит на демонстрации... Фантазии у вас, конечно...

– Спасибо.

– Как раз не за что. Потому что не заинтересовали. Для того чтобы мир сошёл с ума, всё-таки нужна какая-то причина. А мнение одного, вроде бы для остальных и «нормального», вряд ли станет любопытным для других. Они и так считают, что вокруг одни психи. И очень не любят, когда с ними соглашаются.

Автор молча выслушал приговор своему сюжету, скорбно кивнул и встал. Он уже развернулся в сторону выхода, но неожиданно остановился и, смятая шляпу в руках, попросил:

– Разрешите, я пришлю вам... остальное. Там немного, но... Господин Разуто, это наброски, но представьте себя одним из героев, и сюжет откроется! Вас это обязательно заинтересует, вот просто обязательно. Я уверен!

– Я не уверен, героизм мне лично чужд. Но если хотите – присылайте, войдёт в сводку, может, кто и оценит. До свидания.

– Что ж, спасибо и на этом.

Посетитель судорожно взмахнул шляпой.

– Д-до свидания.

Шеф-редактор равнодушно кивнул.

Удрученный автор покинул кабинет редактора и, закрыв дверь, ещё полминуты скорбно постоял на пороге, терзая свою несчастную шляпу. Потоптавшись, автор вздохнул, повернулся и зашаркал по коридору в сторону лифта. По мере движения плечи его расправлялись и походка обретала твёрдость вполне себе решительного человека. Шляпу посетитель выкинул в урну перед входом в лифт.

I. Наблюдатель

1. Ежедневное неправильное решение

Из материалов сетевого судебного заседания по иску о взыскании страхового покрытия с компании «Прованс-гарант». Видео предоставлено ответчиком, источник – регистратор с электромобиля истца.

Пустая трасса, электромобиль истца движется без нарушений, все показатели в зелёной зоне. Переключение на камеру заднего вида – на большой скорости его настигает фургон. Писк автоматики, истец перестраивается в правый ряд.

Фургон проносится мимо, резко принимает вправо и тормозит. Под крик истца автоматика включает режим экстренного торможения. Электромобиль останавливается в нескольких сантиметрах от заднего бампера фургона. Фургон резко стартует и уезжает.

Ситуация повторяется несколько раз. Истец снижает скорость, и фургон скрывается из виду.

Через несколько минут во время пологого поворота всё тот же фургон резко начинает движение с обочины, пересекая траекторию электромобиля. Автоматика не справляется, и электромобиль врежется в заднюю стойку фургона.

Слышны ругательства, звук открывшейся двери, и в кадре появляется истец. Из фургона вываливается мужчина и, дергая себя за волосы, падает на колени.

– Ну чего ты пристал?! Не скрывать от тебя, не убежать! Меня предупредили, не внял, не внял!

– Я?! Это же вы меня несколько раз...

Мужчина, шатаясь, встает, делает резкий шаг в сторону фургона и, широко раскинув руки, бьётся лицом об фургон. Его отбрасывает, он мотает головой и снова атакует фургон, с хорошим замахом впечатывая лоб в металлический борт.

– Нет! – вопит он, продолжая биться головой. – Я?! Да!

Он отступает от фургона и размазывает кровь по лицу.

– И что ты теперь хочешь?! Крови моей хочешь? На! Бери! Бери!

Он вытягивает руки, снова падает на колени и ползет в сторону истца. Истец отступает.

– Сломал ты меня, долмал, теперь я твой, твой! Скажи, что мне делать, что делать?! Всё сделаю!

Истец исчезает из кадра, резкий звук закрытия двери. Слышен шёпот истца:

– Заводись, поехали, поехали... Включайся!

На экране возникает пиктограмма отключения автоматики.

– Стой! – кричит мужчина, продолжая ползти на коленях. – А я?! Куда меня теперь такого?!

Электромобиль сдает назад и объезжает мужчину и фургон по большой дуге.

Вердикт сетевого суда первой инстанции: в иске отказать в связи с ненадлежащим оформлением страхового случая. Истец подвержен штрафу за неоказание потерпевшему первой медицинской помощи.

Карл Разуто, шеф-редактор маленького филиала крупной медиакорпорации, вышел из подъезда добротного, но тусклого офисного здания и посмотрел на небо. Небо напоминало бельмо незрячего и рассмотреть ничего не позволяло.

– Роскошный закат, – поежился Разуто и поднял воротник. От этого в большей степени ритуального действия стало немного уютнее, но ни грамма не теплее. – Что с прогнозом? – поднял он руку с часами. – Гуляем или такси?

Часы показали три положительных градуса, высокую влажность, обещали какие-нибудь осадки и порекомендовали попить водички. ещё секунду подумали и изменили рекомендацию – теперь они советовали принять термостабилизатор и выполнить дневной минимум пешеходной активности.

– Пешком, значит, – подвёл итог рекомендациям шеф-редактор. – А с термостабом извини, после него я сонный. Сегодня мне это противопоказано.

Он улыбнулся и, засунув руки в карманы, зашагал в сторону центра.

* * *

Господин Разуто (пятьдесят девять лет, индекс цитирования ноль-ноль-два, коэффициент социальной активности минимальный) любил гулять. И дело было отнюдь не в погоне за рекомендованным минимумом активности, строго контролируемым коммуникатором. Редактору нравилось неторопливо пересекать кварталы, слушать музыку или научно не обоснованные передачи, аналитику новых идей и рецензии на существующие. Такое времяпровождение было приятным и неустомительным, а главное, отвечало главному правилу шеф-редактора – никуда и никогда не спешить. Шеф-редактор считал, что он уже везде успел, и не любил торопиться.

– Ведь чем хорош возраст? – риторически спрашивал он и сам же отвечал: – Можно не спешить. И даже нужно.

Образ редактора полностью совпадал с этим утверждением. Высокий, с надменной осанкой, выглядел шеф-редактор мастито: к лицу, природой наделённому твёрдыми скулами и хищным профилем, годы мимикой пририсовали надменность знания и степенность опыта, а врождённую доброжелательность мимика здорово маскировала под снисходительность. Обильная шевелюра не покинула владельца и, окрасившись серебром, добавляла образу черты чего-то величественного, неподвластного времени.

– А вот и осадки, – отвернулся Разуто от внезапно брызнувших в лицо капель.

До ближайшей улицы с автомобильным движением было ещё далеко. Редактор прикинул расстояние и решил, что в его ситуации лучше промокнуть, чем вспотеть. Продрогший мужчина ещё как-то вписывался в романтическую обстановку, а вот у типа с одышкой и багровым лицом таких шансов не было.

– Разорюсь на приличное, – решил Разуто и все-таки прибавил шаг. Романтика романтикой, но попасть в уютное место и заказать что-нибудь крепкое и теплом пахнущее хотелось не меньше. К тому же какая романтика? Зачем придумывать, кого смешить?

В отношениях с очаровательной Камиллой романтики не было с самого начала, как нет её в любых юридических отношениях. Камилла работала в адвокатской конторе «Ваш perso-

нальный поверенный», и редактор познакомился с ней после дорожного инцидента – небольшой аварии с последующим мелким ремонтом. Столкновение было несильным, но подушки безопасности сработали на славу, и слегка оглушённый Разуто автоматически ответил на предложение срочной юридической помощи. Улыбка юриста, осветившая коммуникатор гибрида, показалась редактору очень милой и многообещающей. Профессиональная помощь Камиллы не потребовалась, и редактор компенсировал это недоразумение роскошным ужином. Камилла спокойно перенесла отсутствие к себе интереса как к адвокату и не заинтересовалась Разуто как редактором. Идеальный баланс интереса стал основой для редких встреч – без особой системы и графика. Она была лёгкой в общении, инициативной в постели, своими проблемами не делилась, чужими не интересовалась. Ну и Разуто соответствовал. Поэтому настраивался на хороший вечер вне зависимости от цвета неба и идущего дождя.

К удовольствию редактора, даже не спеша он не опоздал. Заняв столик в глубине зала, Карл тщательно изучил предложения в разделе «Напитки» и выбрал достаточно приличное крепкое с необоснованно завышенной ценой.

- Он вам дорог как память? – недовольно уточнил Разуто у официанта.
- Редко заказывают, – почувствовал себя виноватым официант.
- Так и я про это. Что ж, давайте двойную.

Впорхнувшая в кафе Камилла застала редактора уже на полпорции согревшимся. Она радостно поцеловала его в щёку, кивнув на бокал Разуто, попросила у официанта то же самое, быстро ответила кому-то в коммуникаторе, сфотографировала свои ноги и, продемонстрировав картинку Разуто, выложила её в сеть с подписью «Меняю на ласты». Тут же ответила смайликом на мгновенно появившийся комментарий и, вызвав новую программу, принялась вычислять калорийность заказанного напитка. Три новых сообщения переключили её внимание.

- Выключай, – улыбнулся Разуто. – Иначе у меня нет шансов.
- Даже не переживай, – рассмеялась Камилла, продолжая щёлкать по экрану. – Секунду, секундочку... Вот видишь? – протянула она коммуникатор экраном к редактору.

На экране светилась надпись: «На самой важной встрече». И весёлая рожица, подносящая палец ко рту с требованием тишины.

- Что ж, польщён, – кивнул Разуто.
- Ты ещё не представляешь как! Ну, рассказывай.

Ничего рассказывать редактору не пришлось. Камилле самой было что рассказать. Она быстро осмотрела зал, склонилась к редактору и, кивнув на столик слева, прошептала, что «нарядная цыпа» за этим столиком ужас какая стерва, что содержит её какой-то столичный, а она планирует отсудить у него за это компенсацию. А рядом с «стервой-цыпой» знакомое лицо, но кто это, она вспомнить не может и теперь будет мучиться. Но долго мучиться Камилла не стала и перешла на столик у входа: угрюмый парень с «девушкой-неликвидом» – это её клиент, и хорошо, что он её не заметил, потому что история там мутная, а у него и так рядом такое горе. Хотя если причесать... Нет, такой типаж причёской не испортишь. Только сейчас это неважно, например, у неё есть знакомый, так вот он...

Разуто наслаждался напитком и прелюдией. Он представлял, как приведёт её в номер, заставит на секунду замолчать и переключит её энергию на себя с волнительным описанием всего, что происходит и произойдёт. Все-таки стримеры при интимах имели свои достоинства.

- ...и таких сейчас много. – Камилла требовательно чокнулась в его бокал. – Понимаешь?
- Не вполне, – очнулся Разуто. – Каких именно?
- Пострадавших! Ты меня слушаешь, нет? Это поветрие открывает возможность, редкую возможность. Здесь пока не работают страховые алгоритмы, так как есть вмешательство в автоматику. Но, с другой стороны, производители этого не запрещают, и поэтому каждый случай уникальный. А значит, если и начинать, то только сейчас!

- Кэм, что начинать?

– Карл, соберись, это важно. Я всё просчитала.

Последняя фраза насторожила Разуто, и он прислушался. Оказывается, Камилла давно тяготилась работой в «Вашем персональном поверенном» и мечтала создать своего. Но для этого, по её мнению, необходим особый случай или новый сегмент, который позволил бы сделать себе имя и закрепиться в плотно структурированном юридическом бизнесе. И сейчас Камилла такую оказию рассмотрела в странных авариях, происходящих, по её рассказам, всё чаще и чаще.

– У каждого по случаю в неделю, ты совсем, что ли, не ездешь?

– Да как-то нет необходимости, – пожал плечами Разуто. – Даже цвет своего гибрида забыл.

– Зелёный. И не выезжай, целей будет. Все аккаунты забиты происходящим, а прямые расчёты не проходят. Каждое дело на рассмотрении, потому что техотчёты неполные, понимаешь?

– И? – вздохнул редактор, предчувствуя недоброе.

– Карл, я тебя ценю, правда, но второй такой случай может и не повториться. Поэтому буду честной: мы должны прекратить наши... ну, ты понимаешь. Нет, секс неплох, поверь – бывает и хуже, но зато ты не нудный и внимательный. Но в дальнейшем, я уверена, нам это будет только мешать.

– В дальнейшем? Нам?

– Да. Карл, – Камилла подняла взгляд на редактора, выдержала паузу и торжественно сказала: – Я предлагаю тебе стать партнёром в моей новой фирме.

– Вот оно как... – протянул Разуто. – Роскошный обмен, не поспоришь.

Ему было досадно – и встречи были волнительными, и накладные этих встреч только-только достигли приемлемого уровня...

– Послушай, от тебя ничего не потребуется, – убедительно тряхнула чёлкой Камилла. – Только финансирование.

– «Ничего»... – вздохнул Разуто. – Кэм, обмен неравнозначен, не находишь? Как-то неправильно менять даже плохой секс на «ничего».

Камилла не находила в этом ничего невыгодного. Неужели он не понимает, какие возможности открываются? И с упоением одержимого она начала плести узор чудесного будущего, в котором незатейливо переплетались нити этих возможностей с клубком удовольствий и благополучия.

Редактор не перебивал. Она не передумает. А значит, не стоит и пытаться рушить эту величественную картину её надежд. Она не услышит. Она вся там, в придуманных кружевах возможностей и удовольствий. А уговорить не прекращать встречаться и оплачивать при этом её идеи смотрелось совсем перебором. И отнюдь не в части удовольствий.

Он спокойно цедил напиток и размышлял, почему в конце любых отношений всегда встаёт вопрос денег. Или это только у него так? Интересно, что же в его образе заставляет окружающих считать его достойным кредитором? Что такого они рассмотрели, чего он и сам о себе не знает?

А ведь рассмотрели. У Разуто постоянно занимали или угощались за его счёт. Второе было понятно – в городке мало кто мог себе позволить выпивку, и к этому вопросу он относился с пониманием. Все мелкие займы были из той же серии – многим было неудобно принимать угощение, а вот занять и оплатить свою слабость вполне приемлемо. Понять же занимающих на любое иное он не мог. И даже не пытался. Поэтому выработал для себя схему: одалживал малую часть от запрошенного, после чего удалял контакт. Добропорядочные заемщики его не интересовали, ибо в конце концов попросят ещё.

Поэтому Камиллу придётся вычеркнуть. Жаль.

– Понятно, – протянул он, воспользовавшись паузой в её возбуждённом рассказе. – И насколько велики твои расчёты?

– Совсем не велики! – тут же перестроилась Камилла и застучала по экрану коммуникатора. – Я везде урезала, это самый минимум, причем буквально на несколько месяцев. Это с запасом!

Редактор не стал смотреть расчёты и потянулся к часам. Вызвав кошелек, он набрал на экране сумму и коснулся часами коммуникатора Камиллы.

– На оформление компании, сетевой аккаунт и минимальную рекламу здесь хватит. Зато можешь не вписывать меня партнёром. Поверь, это стоит остального.

– Карл, ты не прав...

– Как всегда, – кивнул редактор, оплачивая счёт на аккаунте заведения. – Я привык. Кэм, было приятно. Успехов тебе.

Редактор встал и направился к выходу.

* * *

«И где же такому учат?» – размышлял Разуто по пути домой.

Дождь утих, и только изредка ветер бросал в лицо мелкую россыпь запоздавших в падении капель. Редактор не стал вызывать такси, решив выполнить хотя бы лимит минимальной активности, раз уж по-другому потратить калории сегодня не судьба.

«Точно, в «Лабиринтах ожиданий» тоже же сначала бросали, а потом требовали денег, – в конце концов нашел он медиаанalogию произошедшему. – Но там девицу короновали, то есть логика присутствует. Здесь же не пойми на что поменяли...»

Настроение было так себе. Редактор пытался понять, что его расстраивает больше – прекращение отношений или потерянная сумма? И признавался себе – потерянные деньги расстраивали больше. Нет, секс был неплох, но...

Не ценой же успешной юридической компании.

2. Координатор фантазий

Чат старых подруг «Рассадник позитива» (индекс цитирования участников ноль – тридцать семь, коэффициент социальной активности высокий).

Кристи: ...забацала из старых платьев. Зацените.

Добавлено изображение: пухлый ребенок, закутанный в разноцветные лоскуты.

Фольга: Роскошно получилось!!! (Несколько смайлов, хлопающих в ладоши.)

Ирис: Главное, в тему-то как! Первый приз обеспечен! (Смайлик с кубком.)

Ребечка: Я тоже своего собираю, ещё в процессе. Теперь есть на кого равняться. (Целующий смайлик.)

Кристи: Это ещё не все, первая примерка!)))

Добавлено ещё несколько изображений ребенка, так же восторженно принятых участниками.

Фольга: На последней фотке – просто чудо!!!

Собиночка: Ага, просто чудовище.

Кристи: А ещё планирую

Кристи: Ты про что?!

Флора-стайл: Фигасе.

Фольга: Не поняла.

Собиночка: Да пацан этот, в мумию замотанный. Как только в голову пришло? (Недоумевающий смайл.)

Фольга: Слушай...

Кристи: Это девочка!

Собиночка: Вообще мрак. Опарыш какой-то. (Блюющий смайл.)

Кристи: Ты.

Ребечка: Соби, ты своего вспомни на День знаний!

Добавлено изображение угрюмого ребенка с перевёрнутой книгой в руках.

Флора-стайл: Вообще-то это мой. И что не так? Приз не заслужил?

Собиночка: Да нет, намекает, что читать не умеет.

Кристи: Извинись!!!!!!!!!!!!!!

Собиночка: Это к Ребечке, я не в курсе, может, и умеет.

Флора-стайл: На себя посмотри!!!

Добавлено изображение женщины с перекошенным лицом.

Фольга: Сука, я же просила это стереть!!!

«Кристи» печатает сообщение. «Флора-стайл» печатает сообщение. «Фольга» печатает сообщение. Восемь участников присоединились к дискуссии.

«Собиночка» покинула чат.

Утром настроение вернулось на вполне приемлемый уровень. Шеф-редактор считал это самым значимым своим достижением – умение оставлять переживания дня предыдущего в дне предыдущем. Жизнь, по его мнению, наверняка припасла для тебя новые – не стоит экспонировать.

Проснувшись удивительно рано, шеф-редактор устроился в кресле в гостиной и, взбадривая организм витаминным коктейлем, вызвал на медиастену контакты. Открыл группу «Феминизмы» и в два движения нашёл и удалил пункт «Камилла-адвокат». В группе ещё оставались контакты, но...

– Может, завести группу «Бывшие»? – пробурчал редактор, пролистывая список. – Может, кого бумерангом занесет? И не за деньгами, а так... за ленивым гормоном.

Прикинув вероятность, редактор махнул рукой, сметая список с экрана. Зарядку делать не хотелось. Встать с кресла тоже. Хотелось выпить чего-нибудь тёплого-терпкого с минимальным градусом и никуда не ходить. Да и погода... Он вывел на экран изображение с внешней камеры и оставил – капли, суматошно стекающие по стеклу объектива, очень подходили к настроению.

– Нет, идея была верная, – прислушался к своим желаниям Разуто. – Вот только усердием в проём не уместился...

Он полюбовался причудливым освещением и сделал изображение фоном. Затем открыл приложение «“Фёрст Паблик”, удалённый доступ» и зашёл в служебный аккаунт.

* * *

Цифры, цифры, цифры. Показатели, индикаторы, индексы, невнятные графики и пёстрые диаграммы. Разуто чувствовал себя не столько пользователем всей этой цифровой вселенной, сколько анархичной частью компьютерной программы. Причём самой плохо функционирующей и давно ненужной. Традицией. Ну а что делать, если само существование филиала было традицией? Новой традицией современности.

Цифровая контрреволюция возродила многие традиции. Оценив перспективы замены человека на датчики и контроллеры и получив лавинообразно растущую безработицу, государство налогами и жесткой сертификацией ограничило распространение технологий, подсластив пиллюлю льготами на отсутствующую автоматизацию. Так сохранились многие профессии, совершенно неактуальные в настоящем, а с улиц городов исчезли дроны-доставщики, такси-автоматы и полностью автоматизированные магазинчики и общепиты. Всё это было доступно для обывателя, но не ограничивало список ограничений. Однако даже в мелочах не обошлось без перегибов – например, местная администрация полностью запретила любые беспилотные летательные аппараты, мотивируя этот шаг защитой личной жизни. А также ввела налоги на персональный транспорт, электроскаты, экзотопы и ограничила скорость передвижения и высоту шага в пешеходных зонах. Видимо, чтобы не нарушать консервативный пейзаж.

Редактор давно уже относился к этим переменам с философским спокойствием. Хотя именно обрушение рынка цифровых технологий похоронило все его надежды на обеспеченную старость. Экономический катаклизм и семейный кризис – гремучая смесь, испепелившая мечту. Но время нивелирует страсти – что-то перегорело, что-то он старательно стёр из памяти, а на остальное перестал обращать внимание.

* * *

Несколько лет назад ещё вполне себе успешный столичный предприниматель Карл Разуто придумал разменять активы на образ спокойного мещанского будущего: домик, энергоферма, прудик и отсутствие обязательств. План был хорош и поначалу легко реализовывался: коммерческая недвижимость превращалась в высоколиквидные облигации, доли в предприятиях – в депозиты смарт-систем, сделки с необходимостью личной ответственности избегались как бесперспективные. Карл присматривал недвижимость рядом с каким-нибудь крупным водоёмом, мягким климатом и аэропортом. Перемещаться по планете он особо не планировал, но смот-

реть на взлетающие самолёты было его личным фетишем – летать Карл не любил, а полёты, наблюдаемые снаружи, приносили умиротворение. А затем случился развод, и умиротворение надолго покинуло будущего пенсионера.

Этот период своей жизни Разуто стремился особенно тщательно забыть. Как и его участников – рынок высоких технологий, бывшую жену и хитро-справедливых юристов. Ведь именно из-за неожиданности вспыхнувших страстей он упустил перемены в законодательстве и потерял большую часть своего бизнеса и сбережений. Остальное непропорционально поделил вердикт местного суда. Про подсчёт барышей в энергонезависимом домике можно было забыть. К тому же налоговые нововведения и жёсткое лицензирование уничтожили рынок смарт-сетей и логик-ферм и поставили крест на карьере высокотехнологичного рантье.

Какое-то время Разуто пытался восстановить материальный достаток, но быстро выяснил, что птица феникс из него получается отвратительная. Прикинув вероятности успеха при полном нежелании разбираться в новых условиях, Карл плюнул на прежние мечты и переехал на родину – двести верст по непопулярным дорогам. Городишко и раньше не блистал, а сейчас находился в полном упадке, как и все выпавшие из финансово-энергетического потока. Пригодился так и не проданный шикарно отремонтированный дом родителей, долго топтавшийся в топе короткого списка местной элитной недвижимости. Карл заказал из столицы роскошную медиастену и перевез любимое кресло. Нужно было учиться экономить, ведь даже за электричество теперь приходилось платить самому.

Но с материальным обеспечением всё оказалось не так уж плохо. Жалкие остатки сбережений познавались в сравнении – даже для местного бомонда это были вполне приличные деньги. ещё бы понять, как растянуть существующие финансы лет на двадцать-тридцать – без наличия поступлений, при наличии инфляции, перспективах аптеки и желания гордого одиночества. Городок жил на соцпособия, продажу скудного контента и оплату эмоциональных реакций, спонсируемых производителями медиа. Ни первое, ни тем более второе, не говоря уж о третьем, Карла, мягко говоря, не прельщало.

Кривить физиономию перед медиастеной не пришлось – через некоторое время ему предложили возглавить новый филиал медиакорпорации, приспособливающейся к новым реалиям. Карл немного покочевряжился, выторговал себе свободный график и защищенный домашний доступ, пожертвовав за это половину оклада. И до сих пор считал это неплохой сделкой – проклинать себя приходилось только один раз в месяц, а хвалить каждое утро.

* * *

Коммуникатор замерцал оранжевым, сигнализируя, что Разуто, по его мнению, засиделся. Пора ему покинуть кресло и подвигаться.

– Отстань, я работаю, – покосился на него Разуто. – Для этого не обязательно вставать.

В доказательство он открыл статистику публикаций, подписанных «Фёрст Паблик» местных владельцев информканалов.

– Ну вот, растут показатели, – кивнул он коммуникатору. – Не иначе, осеннее обострение...

Контрактных публицистов корпорации Разуто не любил. Он считал их недотёпами, добровольно подписавшимися на кастрацию, потому что обычно сразу после подписания соглашения публицист мельчал и старался быть рамочным до потери малейшего вкуса.

Хотя никаких рамок, в общем-то, не существовало. «Фёрст Паблик» не навязывал темы, не приказывал что-либо освещать и не карал за отступничество. Просто автор, угадавший с темой и её освещением, получал бонусы в раскрутке и большие отчисления от просмотров. А недалёкий и упёртый – охлаждённое внимание. Публицисты – люди чуткие и, не считая это дрессировкой, подстраивали свои мысли под правильные акценты, ведущие к собствен-

ному продвижению. В отместку Разуто никогда не читал публикаций новых «коллег», отмечая только статистические показатели. Знание методики продвижения делало любые их размышления для редактора неинтересными.

Как и размышления остальных «социально активных» персонажей, подписавших контракты с другими корпорациями. Редактор был уверен, что методика «кастрации» различается в деталях, но вряд ли обходится без оскопления. А значит, буйства идей ожидать не приходится.

Он открыл рейтинг местных тем. Развлечения, социальная политика, происшествия, игры. Надо же, новичок «Происшествия» потеснил «игры» в топе.

– Взломали аккаунт киберастронавта, – вздохнул Разуто. – Сенсация.

В рейтинге тем «Фёрст Паблик» «происшествия» были на третьем месте. Разуто посмотрел теги темы – «авария», «скандал», «насилие».

– Полный набор удовольствий, – покачал он головой и посмотрел на коммуникатор. Устройство снова призывно мерцало, требуя подвижности.

– И ты хочешь, чтобы я вышел на улицу?! Видал, там чё?

Редактор вернулся к медиастене и посмотрел соответствие тем «зонам интереса» редакции. «Происшествия» «Фёрст Паблик» не интересовали. Об авариях и скандалах писали, видимо, новички, считающие, что именно это позволит им преуспеть. Наивные, считают, что если событие вызывает эмоции, то и редакцию заинтересует. Не освоились ещё, не понимают, как совмещать собственные переживания с «зонами интереса» транснациональной корпорации. Большинство, как всегда, угадали и освещали правильные вопросы, чётко попадая в зелёную зону.

– Ску-ко-та, – отдельно оценил статистику Разуто и хотел уже закрыть служебный портал, но не успел – в углу экрана всплыло уведомление: «На усмотрение шеф-редактора».

– Ну ничего себе. И зрячий спросил у слепого дорогу...

Это было необычно. «Фёрст Паблик», конечно, открыл множество филиалов и рапортовал об уровне автоматизации: «Сорок девять процентов», – но на самом деле на усмотрение работников мало что оставляла. Все решения о публикации, приобретении и использовании контента, а также об уровне доступа принимались программой и только программой с алгоритмами, недоступными для понимания отдельных, пусть даже очень умных сотрудников. И вдруг эта умница попросила помощи.

– И на чём же тебя коротнуло?

Разуто щелкнул на уведомление. Видео. Опубликовано в свободном доступе, сегодня, два часа назад. Робот «Фёрст Паблик» отправил автору оферту на приобретение прав, акцептированную по стандартному протоколу. Размещено на семнадцати площадках, в данный момент количество просмотров ограничено.

– Порнушку, что ли, не распознал? – пожурил робота Разуто и нажал на просмотр.

Видео было явно служебным – съёмка велась с дрона, кружившего над заброшенной новостройкой.

Выцветшие рекламные плакаты слабо маскировали унылость серых бетонных стен в обрамлении рукавов 3D-конструктора. На одном из коробов конструктора, над пропастью строительной площадки, замерли двое мужчин – полицейский и прижавшийся к стене гражданский. Дрон облетел мужчин по широкому кругу и приблизился. Полицейский что-то эмоционально толковывал гражданскому, сжимавшему в руке какой-то предмет. Дрон сфокусировал микрофоны.

– ...на хрена притащил?! Смысл потерял?!

– Нет, но...

– Выкинь, эта дрянь сбивает! Нужно сосредоточиться, две секунды, толчок, разворот, касание стены, и только тогда ты войдешь по графику! Это порог, а не прыжок!

– Я понимаю...

– Черт, я же говорил – ты не готов, это очевидно!

– Я никогда не буду готов, никогда. Мне нужен шаг.

– Так сосредоточься на нём! И только на нём! Порог всем страшен, поверь, но перейти его можно! Отдай камеру, она мешает! Сосредоточься, всё рассчитано, но нужно сделать все чётко. Отдай!

– Так будет проще. Если что... Обычный даун, снял трюк, не рассчитал, вам проще...

– Не о том думаешь, дурак! Отдай!

– Все, Лука, я пошел. Отойди.

Полицейский вытягивает руки, пытаясь забрать у мужчины камеру, но не успевает – мужчина прыгает вниз.

– Куда?!?!

Полицейский резко наклоняется, смотрит вниз и прикладывает руку к уху:

– Ну?!

Слушает ответ и сильно бьет ладонью по бедру. Коротко потрянув головой, он снова поднимает руку:

– Разбирайте всё. Семь минут. Да, камеру не забудьте прикончить.

Он медленно делает несколько шагов назад и исчезает в тёмном проёме.

Ролик закончился, и всплыл комментарий системы: в сводке полицейского управления данный случай проходит как суицид.

– Земля пухом, – вздохнул редактор. – Ну и зачем здесь моё мнение? Похоже, обновление криво встало.

Редактор вроде бы слышал о подобном: при апгрейде система иногда давала мелкие сбои и немного чудила.

– Маленький повод гордиться собственным несовершенством, – вздохнул редактор, ограничил ротацию видео параметром «для служебного использования» и добавил собственный комментарий:

«Вероятно, неудачная попытка тестовых съёмок для «Икс-Д-сериала» полицейского управления. При официальном обращении передать копию, дальнейшее использование на усмотрение информационного департамента».

Переложив ответственность с филиала на столичный офис, Разуто потянулся и покачал головой.

– Какой-то имбецил у полиции занимается постановкой. Парень явно не каскадёр, а они ему – толчок, разворот, вход в штопор... Дебилы. Славы захотелось в модном формате.

Разуто, несмотря на реакцию, в чем-то понимал полицейских. Городок скучный, преступность мелкая, бытовая, и как прославить свою работу в таких условиях? А от рейтингов Икс-Д-сериалов сейчас зависит многое – от бюджета до банального продвижения по службе. Редактор подозревал, что именно появление «Икс-Д» подтолкнуло медиакорпорации к открытию филиалов во всех забытых цивилизацией поселениях – налоговые льготы были бонусом, а не смыслом. И хотя сам формат редактору не импонировал, он признавал его значимость в современной культуре.

Отсчёт появления нового формата развлечений принято вести от «неудачного» венчурного проекта Гота Кларка. Добившийся на земле огромного успеха, Гот возжелал успеха космического. Бесконечность, знаете ли. Есть где расписаться, оставив потомкам автограф из звезд.

Проект был до невозможности масштабным: создать что-нибудь, чтобы это «что-нибудь» куда-нибудь долетело и о прибытии доложило. Это был даже не венчур, это была авантюра от начала и до конца. Не желая конкурировать с нудными отраслевыми специалистами, Кларк собрал под своё крыло всех безумных учёных со всеми идеями, не находившими пока не только

практического, но часто даже теоретического обоснования. Дикий коллектив, подогреваемый капиталом Кларка, бурлил и кипел, извергая концепции решения поставленной фантазёром задачи. Безумство росло, капитал таял, и достигнуть бы Готу анналов истории своим сумасбродством, если бы не его талант превращать из ушербного в модное.

Кларк, проводивший в среде безумства все дни и ночи, однажды осознал – совершить технологический скачок для всего человечества, но только за свой счёт невозможно. В кредитах на великое ему уже давно отказывали. А значит, нужно, чтобы скинулась часть населения этой жадной планеты. Рекламой человечество не возьмёшь, реклама проходит по краешку сознания. Здесь же было необходимо полное погужение.

На остатки миллиардов Кларк пригласил сценаристов и продюсеров. Продемонстрировав им безумный коллектив, Гот попросил дорисовать к нему человеческое, не чуждое стороннему наблюдателю. Так появился сериал «Повседневность величия», смешной и трагичный, с осязаемым результатом, в реализации которого мог участвовать каждый. Дикие учёные сначала камер даже не заметили, как не заметили и того, что все их земное, включая научные диалоги и сексуальные неурядицы, было искусно направляемо новыми сотрудниками проекта, профессиональными актёрами. Когда некоторые очнулись из-за внезапной популярности, то оставалось просто пожать плечами – контракты, учитывающие любые претензии, были уже подписаны. Да и не важна для них была эта популярность. Как и контракт. Так, суэта на пороге вселенной.

Через пару сезонов корпорация Кларка даже что-то создала, вывела это «что-то» на орбиту и красиво спалила в объёмном изображении. Какой-то тангенс из арифметики гении не учли. Но это было уже не важно. Над костром в прямом эфире рыдал каждый второй имеющий медиауголок. А трагедии учёных хватило ещё на два сезона. Не достигший звёзд Кларк добился другого. Он впустил вымысел в повседневность, добавив ей величия. До этого хотя бы персональными судьбами распорядились сами люди, отдав общественное планирование кому-то ещё. После Кларка трудовые контракты запестрели согласием на участие во всевозможных сценариях, а любым сетевым роликом уже занимались профессионалы, встраивая отсебятину в свой многогранный сюжет. Корпорации выстраивались в очередь на экранизацию своей скучной деятельности. Государственные образования (конечно, в правильном ракурсе) экранизировались принудительно. Политики превращали любое свое действие в драму, добиваясь сопереживания даже при ужесточении налогового кодекса. Жизнь и вымысел наконец-то слились на фоне переосмысления значения результатов труда как таковых. Внезапно стало неважно, что именно создано, ибо всех заинтересовало как.

* * *

Ещё раз с неодобрением покачав головой, Разуто переключил режим, и медиастену заполнили окна информационных каналов. Включив звук местных новостей, редактор несколько секунд послушал репортаж о проблемах мирового здравоохранения и открыл панель уведомлений. Несколько пропущенных вызовов, десятков сообщений, ничего срочного и интересного. И ни одного сообщения из папки «Феминизмы». После вчерашнего свидания нужно будет потревожить эти контакты тактичным спамом. Юристов-предпринимателей среди них, слава богу, больше вроде бы не было.

Ладно, что там у мировой культуры? Вышли новые серии «Изнанки событий». Любопытно. Ага, запустили сериал «Разлом истории», подоснову к будущему блокбастеру. Основная премьера не за горами – нужно будет посмотреть. Редактор читал одну из проекций сюжета – достаточно увлекательно. Он подписался на сериал и купил все доступные проекции. К выходу блокбастера нужно было быть подготовленным.

Именно такие фантазии, облачённые в зрелищную форму, вдохновляли редактора. Он давно разочаровался в новостях и в новостных упаковках, что называют аналитикой. Его не

интересовали политические и экономические прогнозы, заключения экспертов и пертурбации общественного мнения. Так, окинуть взглядом, определить истоки трендов, сопоставить с художественным вымыслом и выключить. Его не цепляли модные тенденции, кичливость знакомых и интеллектуальные достижения приятелей – он давно обнулil все контакты во всех социальных сетях, надолго отключал личные аккаунты, лишь изредка просматривая уведомления. Исключением был только служебный аккаунт, но заданиями «Фёрст Паблик» его редко баловал, равнодушно намекая на место Разуто в иерархии огромной корпорации.

Но даже через ограниченный функционал своей должности Разуто оценил значение медиа и стал считать его главным компонентом прошлого, настоящего и будущего. Ведь именно оно может сделать с человечеством все что угодно: переписать его историю, перевернуть восприятие сегодняшнего дня и убедить в лучезарности будущего. Нужно просто серьёзно воспринимать художественный вымысел и отмечать, как незаметно он вплетается в настоящую жизнь.

Чем он и решил сегодня заняться – посмотреть пилот «Разлома», почитать несколько проекций сюжета и попытаться понять, что движет авторами, кроме банальной прибыли. В большинстве случаев ничего, но это не единственное развлечение. Обладая уникальной памятью на ненужное, Разуто наслаждался перекрёстными ссылками сюжетов, плагиатом характеров и тупиками развития чужих идей. Многопозиционный «Разлом» обещал всего этого вдоволь.

А вечером можно сходить в «Матовый глянец» – место приятное, уютное и полностью покрывающее все его потребности в общении. И пусть сегодня он не планировал посещение клуба – в будни там малоллюдно, а накладно так же, как в выходные, – но осенний день нуждался в правильном окончании.

– Ведь не зрелищем единым жив человек, – одобрил собственный план редактор и отправил команду на кофеварку.

3. Безмолвная субкультура

Чат участников группы психологической реабилитации «Шаг» (индекс цитирования участников ноль-ноль-ноль, коэффициент социальной активности минимальный).

Офицерье-три: Только на этой неделе зафиксировано несколько попыток проникновения в закрытые каналы. И не только в нашем отделе. Алгоритм изменился – если раньше бот выбирал малоактивного участника и производил рассылку под его ником, то сейчас может высказаться от имени любого.

Запорожский: И так же вносит смуту?

Офицерье-три: Нет, по слухам, интересней – якобы расставляет необычные акценты в актуальных расследованиях. И может использовать файлы из доступных системы. Кстати, возможно, что видео с Зазнайцем так и попало в сеть. Железяка патрулировала в автоматическом режиме, на оператора грешить не получится.

Первый: Цель?

Офицерье-три: Цель не ясна, этих гадов сразу блокируют. Все данные засекретили, вроде бы безопасность взяла на контроль. Целая группа приперлась.

Лирика-ноль: Нужно здесь все проверить!!! И стереть к псам собачим!

Запорожский: Не истери, экран погнешь.

Лирика-ноль: Да может, вы боты уже!!! Все!!!

Офицерье-три: Кстати, первый признак – завышенные эмоции))

Запорожский: Проверим. Лирик, как тебя зовут в нашем узком кругу?

Лирика-ноль отключился от чата.

Офицерье-три: Сломался)))

Офицерье-три: Кстати, как я понял, есть ограничения по количественному составу чата. Если меньше десяти участников – проникновения не зарегистрированы.

Первый: И все же Лирик прав – так мы курить не бросим. Нужно искать альтернативу.

Запорожский: Легче сказать...

Первый: Новый обещал безопасную площадку. А пока озадачьте Бубна.

Офицерье-три: Какой-то он мутный, этот Новый...

Первый: Нормальный. Снесите здесь все.

Чат закрыт, история удалена.

Вечером редактор поднялся на крыльцо общественного заведения с гордым названием «Частный клуб «Матовый глянец». Территория индивидуальности». Эта «территория» принадлежала старому другу Разуто Тори Грабову, также покинувшему столицу. Различия были в нюансах – причалом в мечтах Тори служил не абстрактный дом с водоёмом, а конкретный клуб, и именно на Второй Центральной. Конкретизация проекта позволила Тори добиться лучшего результата – пусть клуб был в разы меньше желаемого и не такой блестящий, как мечталось, но он был. А у Карла даже захудалого прудика не оказалось.

– Название дурацкое, – сравнял счёт Разуто ещё при первом посещении. – Как будто у тебя здесь вялый канкан в исполнении старушек.

– Этого тоже хватает, – грустно согласился Тори на ничью.

Непонятно отчего грустил Грабов – Карлу клуб в целом понравился. Далеким от столичных фантазий в технологиях развлечений, клуб был уютным и каким-то застывшим во времени. Грабов пытался обыграть эту винтажность и на волне цифровой контрреволюции решил сделать клуб местом живого общения – запретил съёмку внутри клуба и поставил глушители сетей, так что из «Глянца» невозможно стало даже позвонить. Результаты были неоднозначные – с одной стороны, посетители постоянно роптали и требовали доступа к мировой паутине, а с другой – как-то расслаблялись, что действительно частенько приводило к танцам на столах и другим забавным недоразумениям. Но главное – ходить не перестали, обеспечив клубу славу загадочного и веселого заведения. В выходные было не протолкнуться, и это при том что развлечения в социальные пособия, на которые в большинстве своём существовали горожане, никак не умещались.

– Вот мне у тебя дорого, – удивлялся Разуто. – Многие завсегдатаи тоже не богема. Чем ты их заманиваешь?

– Добротой и радушием, – не моргнув глазом врал Тори.

– Это понятно, – надменно кивал редактор. – Я и сам такой.

И с тех пор Карл стал приходить в клуб довольно часто, растворяя в коктейлях любое своё настроение – от недовольства погодой до удовлетворения от одиночества.

«Матовый глянец» занимал два этажа в добротном старом здании и состоял из набора помещений разной площади с атриумом по центру. Атриум делился барной стойкой на неравные части, называемые большим и малым залом. Помещения второго этажа выходили балконами на сцену большого зала, где проходили шоу из прошлого века – песни, пляски, выступления комедиантов. У Тори был большой выбор из местных талантов: или молодых, ещё стремившихся найти трамплин на большую столичную сцену, или уже бывалых, довольствующихся небольшим гонораром, включающим ужин. Но чаще всего сцену оккупировал племянник Грабова – Дарвик. Высокий, сутулый Дарвик был угрюмым молодым человеком, которого кроме «бренчания» и, по выражению дяди, «стихоложества» мало чего интересовало. Единственное место, где замкнутый племянник проявлял эмоции, была сцена «Матового глянца». Частые выступления сделали Дарвика узко популярным исполнителем, и местные завсегдатаи с удовольствием подтанцовывали его мелодиям и подпевали набору рифм.

* * *

Миновав пустынное фойе с почему-то тёмным гардеробом, Разуто не стал будить приветствием дремлющего охранника (дядьку не зря дразнили Буцефалом – дремал он хоть стоя, хоть на ходу) и вошёл в малый, отделённый барной стойкой от сцены зал. Он подошёл к барной стойке и обратился к бармену:

– Привет, Бруно. Тори здесь?

– Здравствуйте, господин редактор. Он в золотом зале. Печальная погодка, да?

– Рановато что-то заморосило. А что с гардеробом?

– Там что-то лежит, точно не скажу. Не переживайте, в золотом мы поставили стойки для одежды.

– Ладно. Бруно, организуй мне что-нибудь... – Разуто пошевелил пальцами. – Погоде соответствующее.

– Обязательно, господин редактор. Есть у меня один рецепт.

– Не сомневаюсь.

Сомневаться и правда не стоило. У Бруно всегда был рецепт даже для менее внятных пожеланий. И у редактора была неоднократная возможность в этом убедиться.

– А это что за банкет? – кивнул Разуто на сдвинутые столики в зале со сценой.

Компания за столиками сидела странноватая. Выглядели посетители так, как будто в клуб их привели насильно, рассадили и оставили ждать дальнейших распоряжений. Двое мужчин среднего возраста с сомнением слушали дородного бородатого мужчину, вольготно развалившегося на стуле и что-то негромко рассказывающего. Остальные, четверо молодых парней и пара девушек, даже не делали вид, что слушают, и явно томились своим здесь присутствием. Перед каждым стоял бокал с коктейлем, который они двигали и крутили, как будто не зная, что с ним делать.

Бруно быстро оглянулся и понизил голос:

– А это, господин редактор, группа... адаптации вроде. По часу сидят на одном заказе.

– Адаптации? – переспросил редактор. – Если друг к другу, то у них явно не получается.

– Вы ещё не видели тех, кто сейчас к нам спиной. Как им выпить, ума не приложу.

Редактор последней фразы не понял, но уточнять не стал. Не стоило отвлекать Бруно от приготовления «соответствующего погоде» коктейля.

Еще раз окинув взглядом группу адаптирующихся, Разуто миновал малый зал и, отодвинув портьеру, вошёл в отделанное фактурным тёмно-жёлтым пластиком помещение. Грабов уверял, что освещение создает полную иллюзию золотого покрытия, а сепия медиастены оттеняет игру граней драгоценных слитков. Близорукий Карл верил.

Он остановился на пороге и огляделся. Народу было немного. Редактор кивнул Вальзе Вазольвату и братьям Шокулям, сидевшим за ближайшим ко входу столиком, и направился в угол, откуда приветственно махал рукой Тори Грабов.

Задержавшись ещё пару раз на приветствия знакомых, редактор достиг угла и обнаружил, что Тори был не один. Рядом с владельцем «Матового глянца» вальяжно развалился старый знакомый Разуто, однокашник Грабова, а в настоящем крупный столичный деятель, Барий-Мария Калюжный. В имени ещё был «фон» где-то посередине, но Карл так и не удосужился запомнить где.

– Карл! – встал и обрадовался магнат. – А Грабов уверял, что сегодня увидеться шансов нет!

– Грабов пессимист, верит обещаниям, – пожал плечами Разуто, повесил пальто и разместился напротив. – Какими судьбами?

– Продвигаю сущее, – радостно оскалился Калюжный. – Вот, добрался до родных пенатов. С тобой опять же повидаться. В сети же тебя не встретить. Знаменитая личность, Тори, твой кабак не в уровень.

– Какой есть, – обиделся Грабов.

– С этим не поспоришь, – кивнул Барий и переключился на Карла. – Я слышал, ты здесь редактор «Паблика», местный вдохновитель потоков?

– Было бы что вдохновлять.

– Не скажи, не скажи. Вся жизнь здесь, в провинции. Столица что – тусовка, скучная рафинированная тусовка. Нет, Карл, я тебя понимаю. Никто не понимает, а я понимаю! Я вот Тори рассказывал...

Разуто с удовольствием отвлекся – ему принесли коктейль. Напиток был слегка крепковат, но для нейтрализации плохой погоды и внезапного появления Калюжного вполне годился.

– ...и вся надежда на провинцию! – повысил голос Барий, поднял свой фужер и сделал крупный глоток. – Последнее прибежище настоящих инстинктов. Столица стерилизована – этого не скажи, тех не обидь. Обычным репостом можно половину до инфаркта довести. А вы не представляете, как иногда хочется взять кого-нибудь за загривок и сразу, с оттяжкой та-ак, – хрясь!

Калюжный сжал кулак, поднес к лицу и свирепо на него уставился.

– А потом заглянуть в выпученные глазёнки, тряхнуть, – Барий потряс кулаком, – и спросить: «Кто ты, сука, кто-о ты?»

– И что мешает? – поинтересовался Разуто, оглядев стол. Пара пустых бокалов объясняли эмоциональность собеседника.

– А-а, – отмахнулся, разжав кулак, Барий. – Легче гаду сразу денег дать, чем потом судиться. У столичных от любого синяка гангрена по всему организму.

– Так ты сюда подраться приехал?

– Ах, если бы, – мечтательно закатил глаза Калюжный. – Нет времени на личную жизнь, вот совсем нет. У меня, кстати, к тебе серьёзное дело, хороший задел на будущее... – придвинулся Барий к редактору, приглушив голос и состроив соответствующее лицо.

Разуто против воли поморщился. Ему не хотелось сегодня никаких «серьёзных» переговоров, но ещё больше не хотелось иметь дело с «агрессивным» Барием-Марией Калюжным, где-то и в чём-то «фоном». Калюжный в любом деле видел себя организатором и руководителем, а стать «исполнителем» чужих идей и проектов Карлу никогда не импонировало.

– Подожди, Барий, – перебил он и отклонился к Грабову. – Тори, пока не забыл. А что за группа адаптации у тебя там напиток не может?

– Обычная группа, – пробурчал Грабов. – Может, по суду, может, по административной части.

– Да уж видно, что не по своей воле, – кивнул Разуто. – К тебе теперь по решению суда загоняют?

– Это как тебе такое удалось? – тут же переключился Барий, как будто и не морщился секунду назад, обозначая «серьёзность будущей темы».

– Они через «Доступные опции» забронировали места для своих собраний. Ты же по будням не заходишь, – ещё раз укоризненно посмотрел он на редактора, – вот и не встречался с ними. А вчера гардероб им сдал – под хранение агитационных материалов. Но гардероб – это временно, до пятницы. Им митинг вроде согласовали, вот они и свозят свою агитацию.

– Наживаешься на демократии? – хохотнул Барий. – Ловко! За что бастуют?

– А кому «им»-то, Тори? – перебил Разуто Калюжного.

– Вроде «Радеющим» – пожал плечами Грабов. – Но аккаунт столичный.

– Да ладно! – фыркнул Карл. – Они же тебе первому кабак и разнесут.

– Это уточнил. Обещали цивилизованно. Я им специальную скидку дал.

– «Радеющие» обещали цивилизованно! Только ты, мой друг, смог составить из этих трёх слов предложение. Купил стихию дисконтом.

– Горячие ребята? – тут же воспламенился Барий. – Ультрамодернисты или хоспис?

– «Радеющие» – это хоспис, – ответил Разуто. – Левый толк. Только откуда они здесь?

– Провинция! – снова заликовал Калюжный. – Вот где жизнь! Не-ет, Карл, я тебя понимаю. Интересно жить там, где ещё не кастрировали общественный голос! А у нас им даже канализацию для сборища не согласуют! Хоть и левым.

– Так это, наверное, ваши и есть, – попытался погасить радость гостя Грабов. – Говорю же, столичная организация.

– У них турне по причине отсутствия собственного стадиона? – предположил Разуто.

– Так вообще здорово! – не разочаровался Барий. – Столичные бюрократы...

И Калюжный начал рассказывать, как он спонсировал акцию против кислород-счетчика и как это было приторно скучно. Разуто старался не кивать, чтобы не давать Барию повода переходить к «делу».

– ...а у вас, пожалуйста, митингуй – не хочу! Ого, а это кто такие? – кивнул Барий за спину Разуто.

Грабов склонился, выглядывая из-за редактора.

– Это Грумник и его ученицы. Они не танцуют, – тут же добавил он.

Тори работал на упреждение. Барий любил заканчивать свои редкие посещения «Глянца» небольшой вакханалией, что всегда было для скромного Грабову ударом и нервным переживанием. Но противостоять желаниям своего высокопоставленного товарища он не мог.

Карл улыбнулся переживаниям Тори, обернулся и посмотрел на столик в центре. Мелкий Грумник, владелец курсов «Гармоничного отображения», рассаживал рослых девиц, торопливо обхаживая их по кругу. При этом он восторженно оглядывал зал, как будто призывал присоединиться к его успеху – желающие прилично выглядеть в сети девушки возвышались над гуру минимум на полметра.

– Кто не танцует? – переспросил Барий. – Я про чудаков с крестами на роже! Вон, справа.

Редактор перевел взгляд правее. Возле столика Вальзовата и братьев Шокулей стояли двое молодых людей. Один из них стоял к редактору спиной и загораживал другого, поэтому, что у них на лице, видно не было. По виду обычные молодые люди, стояли расслабленно, даже как-то вычурно расслабленно – как будто в очереди за получением соцобеспечения, изображая при этом, что оно им не требуется.

А вот Вальзу Вазольвата они явно раздражали, и он уже закипал. Склонившись к ним через стол, он что-то грозно шипел, и только усилия братьев Шокулей, держащих его за плечи, не давали ему на них накинуться. Его оппоненты молчали. Вдруг стоящий спиной к редактору молодой человек развернулся и подчеркнуто лениво перешёл к соседнему столику. Его товарищ без всяких эмоций остался дослушивать Вазольвата.

Теперь было видно, что у обоих ярким широким скотчем были крест-накрест заклеены рты.

– Это, наверное... из группы, – потерянно протянул Грабов. – Но про VIP-зал мы не договаривались...

– Да уж, – усмехнулся Разуто. – На их аппетите ты кассу не сделаешь.

– Наркоманы, похоже, – бодро втиснулся между ними Калюжный. – Группы-то эти наркоманские? Отучают от употребления?

– Да нет... – начал медленно вставать Тори. – От сети...

– Это «Реальная жизнь», что ли? – хлопнул его по плечу Барий. Тори повернулся к нему. – Так какой это, к черту, хоспис?

– Я за политикой не слежу, – пробурчал Грабов.

– А причём здесь политика? Эти высоколобые вне политики, и да, к ним по приговору суда запросто. Я так и попал, – объяснил он Разуто, – за оскорбление инвалида. Как будто в сети понятно, кто из нас инвалид! Ну и тиснули мне на три посещения к реальности приобщения. Контора серьёзная, прикинь, я потом месяц статусы не обновлял! Во, видишь, – он показал пальцем на молодого человека, – как его качает, не знает, куда руки деть? Ещё бы, коммуникатор им запрещён, вот он и не понимает, куда себя пристроить.

– Тебе тоже рот заклеивали? – поинтересовался Разуто. – В чём смысл?

– Не было такого, – покачал головой Калюжный. – Может, в знак протеста? Или у них мозги набекрень.

Редактор с любопытством посмотрел на перемещения «лишённых коммуникатора». Отход одного из них сбил жёлчного Вазольвата с толку, он ещё пару секунд шипел, недоумённо провожая его взглядом, а потом так же недоумённо уставился на оставшегося. Братья Шокули ослабили хватку и теперь не знали, что с Вазольватом делать: то ли совсем отпустить, то ли продолжать удерживать. Оставшийся на месте продолжал стоять перед ними, с интересом эту сцену разглядывая.

Его товарищ остановился возле соседнего столика и уставился на посетителей. Сидевшие за столом преподаватели местного колледжа занервничали, начали оглядываться, старательно избегая смотреть на человека с заклеенным ртом. И только единственная дама за столом не смутилась и, подняв голову, чётко спросила:

– Что?

– Молодой человек!.. – просипел Грабов, смутился и, подергав головой, сказал уже громче: – Молодые люди, вам сюда нельзя.

Ближе стоящий повернулся и начал равнодушно смотреть на Грабова.

– Тори, у него, может, и в ушах затычки, – засмеялся Барий. – Эй, – обратился он к молодому человеку, дублируя слова жестами. – Вам отсюда нужно ва-алить! Топ-топ аут. Здесь тебя к сети не подключат. Нет доступа, милый.

Молодой человек внезапно сделал несколько быстрых шагов и навис над Калюжным. Лицо его оставалось равнодушным, а пустые глаза уставились на Бария.

– Чего прискакал, милоч? – продолжал веселиться Барий. – Сигнал почуюл? Подвели тебя инстинкты, здесь у всех не ловит, вон, – он кивнул на Грабова, – начальник запретил. Ты мне солнце не загораживай, про личное пространство слышал? Его нарушать непозволительно. Так что шаг назад, болезный, а то...

Воркуя, Барий привстал и хотел отодвинуть молодого человека. Как только он коснулся его руками, парень хлётко, с опущенной руки, ударил Калюжного в челюсть.

Это был явный нокаут. Калюжный хрюкнул и начал заваливаться на обидчика. Молодой человек отступил, спокойно развернулся и направился к предыдущему столику.

– Барий!

Грабов вскочил и судорожно попытался поймать Калюжного. Разуто не успел даже привстать, как Барий завалился и гулко стукнулся лбом об пол.

– Карл... – растерянно повернулся к нему Грабов. Разуто кивнул, мол, вижу, и полез из-за стола.

Пытаясь поднять Бария, они пропустили, как взвились над столом братья Шокули, как заорал Вазольват и бросился их догонять, как в мгновение братья уронили стоявшего перед ними на пол, и пока младший с уханьем топтал его ногами, старший с вопящим Вальзой за спиной добежали до второго.

Он ждал их спокойно, рассматривая возмущающихся преподавателей и не оглядываясь на к нему бегущих. Так же равнодушно упал от первого удара и не издал ни звука, пока старший Шокуль прыгал на нем, а Вазольват бегал вокруг и кричал, что он сейчас с ним сделает.

Редактор с Грабовым наконец-то подняли погрузившего Калюжного и с трудом разместили его на диване. Барий сидеть не хотел и заваливался то в одну, то в другую сторону.

– Подержи его, – потребовал редактор и посмотрел в зал. – Держи, пока их не забили.

Он обогнул Калюжного и быстро подошел к старшему Шокулю.

– Сом, всё, – резко произнес Разуто, вытягивая руку перед разошедшемся Шокулем. – Отойди, в сторону, в сторону!

– Дык... хрен ли... они... – выдыхал слова запыхавшийся Сом Шокуль.

– Редактор, эти гопники гнилые... – подскочил Вазольват.

– Видел, – перебил его Разуто. – Блаватника остановите!

Он толкнул Сому в плечо и тот, оглянувшись, потрусил останавливать брата.

Редактор присел перед лежащим сломанной куклой обидчиком Калюжного и потянул его за плечо, переворачивая. Все лицо парня было в крови, глаз затекал, но скотч оставался на месте, всё так же запечатывая рот крестом. И несмотря ни на этот крест, ни на заплывающий глаз, здорово меняющий физиономию, Разуто показалось, что парень улыбался.

* * *

В золотом зале сразу стало суетно, все встали и начали ходить вокруг двух побитых парней, образуя подобие водоворотов. Третий водоворот кружил вокруг Грабова и Калюжного.

Большинство включили коммуникаторы и начали снимать распластанные тела и попытки Тори достучаться до Бария, тяжело мотающего головой.

– Здесь нельзя снимать! – зло крикнул Грабов, оглянувшись. – Вызовите охрану!

Разуто представил заспанного Буцефала на пороге и усмехнулся.

– Такие снимки могут вызывать только скоротечный интерес, но пагубно влияют на общее восприятие вас как личности, – услышал Карл торопливый шепот за спиной. Грумник давал урок информационного наполнения страниц. Девицы вздыхали, похоже, мечтая хотя бы о скоротечном интересе.

Разуто поднялся и, обогнув любопытствующих, направился к выходу. В проходе толкались посетители из большого зала. Мужчины из «группы адаптации» с завистью смотрели на снимающих и явно мечтали заняться тем же самым. Женщина из группы быстро поворачивалась к окружающим с вопросом: «Что же с ними случилось?»

Навстречу Карлу шел полный бородатый мужчина, как помнил Разуто – руководитель этой странной группы.

– Спасибо, – сказал он, преграждая редактору путь, – что остановили избиение.

– Их точно можно пускать в общественные места? – спросил редактор, кивнув за спину.

– Конечно, они же обычные граждане, – пожал плечами мужчина. – Вы собираетесь вызвать полицию?

– И медицинскую помощь, – кивнул Разуто.

– Не нужно, – твердо сказал мужчина. – Мы сами всё организуем и урегулируем все возможные претензии. Дайте мне пять минут, и потом я подойду к вам.

Он обошел редактора, решительно раздвинул толпу и присел над жертвой Шокуля-младшего.

– Ко мне-то зачем? – проводил его взглядом редактор. Но с полицией решил подождать и вернулся к Грабову.

Грабов реанимировал Калюжного. Он пытался его напоить, вода бокалом перед носом.

– У тебя там нашатырь, что ли? – предположил редактор, склоняясь над ними.

– Его коктейль, – растерянно пояснил Тори. – Не хочет.

– Барий, ты как? – похлопал редактор Калюжного по плечу.

– А-а-а... – несуразно вращал головой пострадавший.

– Нужно в больницу, – потрянул головой Тори. – Полицию вызвали?

– Подождите, – раздался решительный голос за спиной. Тот же бородатый мужчина отодвинул Тори и, присев перед Калюжным, очень быстро и профессионально его осмотрел. – Секундочку.

Он положил руки на лицо Бария, сжал и немного резко повернул.

– Сука! – чётко произнес Барий. – А?!

И сосредоточенно задвигал челюстью.

– Сутки покоя, больше ничего не потребует, – уверенно произнес мужчина, вставая.

– Это точно? – спросил Тори, с недоверием оглядывая щёлкающего челюстью Калюжного. – Барий?

В ответ снова обретший способность говорить Калюжный начал сложно и замысловато ругаться.

* * *

– Я ни черта не понимаю, – тихо выдохнул Тори, провожая взглядом бородатого. Решительный руководитель уже склонился над жертвой старшего Шокуля. – Что это было? Почему они дерутся? А он кто?

– Вроде главный, – ответил Разуто. – А эти... Субкультура, наверное. Для нас просто диковатая.

– Просто?! Просто?! – зашипел Грабов. – Посмотри на Бария! А если бы он не заговорил?!

– «Ах, если бы, ах, если бы». Где твой племянник? Пусть срифмует, будет хит. Да ладно, расслабься, Тори, – смягчился редактор, оценив состояние Грабова. – Такое не срифмуешь. Не любят поэты тавтологию надежд.

– О чём ты?! – не успокаивался Грабов. – Какие поэты?! Я им скидку дал, а они?!

– Ты явно переоцениваешь дисконт, – успокаивающе положил ему руку на плечо редактор. – Например, в сериале «Слухи за деньги» это главная причина всех преступлений. Там главный фетиш...

– Эти твои вечные ссылки на фантазии! – перебил Тори. – Это жизнь, понимаешь? Здесь все по-настоящему!

– Не скажи. Жизнь – это давно уже отображение того, что придумали в медиа.

Карл похлопал Грабова по плечу и с усмешкой добавил:

– Просто скучнее.

Здесь неплохо было бы значительно покивать головой, что редактор, ненавидящий этот киношный штамп, с удовольствием и исполнил. Ведь одно дело – раздражающее на экране. И совсем другое дело – реальная жизнь.

* * *

– А в будни здесь в принципе неплохо. Живенько так.

Редактор допивал коктейль, с интересом наблюдая за спадающей суетой. Решительный руководитель странной группы не обманул – он быстро привел в чувство пострадавших, сунув им что-то под нос, и с помощью остальных участников увёл из клуба. Рот парни так и не расклеили. Грабов решил проводить Калюжного до гостиницы, не доверяя его нетвердой походке. В обеспечение безопасности он пригнал в зал Буцефала, и теперь охранник дремал на пороге, вздрагивая от звона посуды.

Подшли Шокули с просьбой быть свидетелем – у братьев было по несколько взысканий, и они очень сомневались, что в их благородство с ходу поверят. Уверениям Вазольвата в знакомстве с нужными людьми они не доверяли и, в общем-то, правильно делали. Редактор пообещал, и Вальза повел повеселевших братьев праздновать победу. Естественно, за его счёт – с Вазольватом за один стол садились только при условии, что он угощает.

После ухода братьев редактор заказал себе ещё один коктейль – «что-нибудь долгоиграющее, без желания махом выпить» – и пересел за стеклянную перегородку в самом конце зала. Здесь можно было курить – мощная бесшумная вентиляция позволяла делать это без неудобства для окружающих. Грабов уверял, что организовал это место специально для редактора, и даже закупил отличных сигар. Но Разуто, осмотрев ассортимент и поинтересовавшись ценой, предпочёл приносить свои.

Он достал портсигар, выбрал демократичную «Смоллер пак» и с удовольствием закурил.

– Вы в курсе, что сделали неправильно?

Над ним стоял давешний руководитель странной группы и еле заметно улыбался. Выглядел он более расслабленным, без той решительности на лице, с которой требовал не вызывать полицию и осматривал Бария.

– Вы вроде бы меня поблагодарили, – пожал плечами Разуто.

– Я – да, – кивнул мужчина. – Позвольте? – показал он на место напротив редактора.

– Ну, если не мешает, – редактор кивнул на сигару.

– Отнюдь, сам привержен этому пороку. Не в таком, правда, классическом виде.

Мужчина без лишней суеты разместился напротив редактора. При близком рассмотрении назвать его полным было неправильно. Скорее плотно сбитым, с широким лицом и крупным носом, теряющим свои размеры на фоне окладистой бороды. Взгляд внимательный и в отличие от взоров его товарищей живой. Одет мужчина был аккуратно и, пожалуй, дорого – Разуто знал цену этой внешней неброскости. Но при всем при этом он напоминал самодовольного купца из сериала «Рассвет нравов», тягучей мыльной оперы про упадок дворянства.

– Мое имя Тантамир, – кивнул он, роясь во внутреннем кармане.

– Карл Разуто.

– Разуто? – прищурился господин Тантамир. – Вы редактор филиала... «Фёрст Паблик», если не ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь.

– Как удачно, – качнул головой собеседник. Он разместил на столе капсулы и фори-трубку и взмахом руки позвал официанта.

– Мне, пожалуйста, минеральной воды и кофе, – попросил он. – И рюмочку... м-м-м... хорошо бы «Кольсгарда». У вас имеется «Кольсгард»? Да? А какой выдержки? Надо же. Принесите.

– Не ожидал, что здесь отыщется «Кольсгард», – повернулся он к Разуто, отпустив официанта.

– Это модная деревня.

– Да, вполне, вполне. Редактор, значит, – протянул гость, устраиваясь поудобней. – У вас интересная работа. Или... Да нет, пожалуй, интересная. Вы как страж, – шелкнул пальцами он через пару секунд и, удовлетворённый ассоциацией, откинулся на спинку дивана. – Фильтрующий клапан на пути безумного частного к разумному общему. Ну или... Нет, «страж» мне нравится больше. «Ассенизатор» будет слишком напыщенно.

– Любопытное отношение к медиакорпорациям, – усмехнулся редактор. – Неудачно попали в новостной сюжет? Хотя при вашей работе это неудивительно.

– Вы про сегодняшний случай? Это не работа. Скорее я здесь как волонтер.

– Бескорыстно помогаете людям?

– Я? Что вы, ни в коем случае, – отмахнулся господин Тантамир. – Наоборот, мы пытаемся помочь всему человечеству. Люди в этом только мешают.

Он развел руками, как будто извиняясь за такое положение дел.

– Серьёзная задача, – уважительно кивнул редактор. – Думаете, если заклеить им рот, станет легче?

– Ну что вы, насилие – это не метод. Таких шустрых я сегодня увидел впервые, а подобные «молчуны» да, попадались. Я называл их «молчунами», что, в общем-то, соответствовало их виду и поведению. До этого дня они были вполне безобидными – рот заклеят и тарашатся как на формулу тройного аргумента, изображают понимание. А сегодняшние уже кивали. Может, эволюционируют? Но самое интересное в том, что всё это добровольцы, и у них нет ни малейшей необходимости посещения этих мероприятий. Любопытная тенденция, не находите?

– Честно говоря, понятия не имею. Я не знаком с вашей организацией и не знаю, чему вы обычно удивляетесь. Так это они сами себе рот заклеили?

– Собственноручно. Но дело не в их внешнем виде, а в том, что они пришли. И это не единичный случай. Интересно, а у вас это отразилось? Снизилось количество контента или... У вас же есть какие-нибудь показатели трафика, ну или, не знаю, количество публикаций, знаков, отметок о прочтении?

– Есть, – кивнул редактор. – Уверенный рост по всем позициям. Так что, если хотите совпадения эмоций, объясните, чем занимается ваша организация, и я попробую догадаться, что же такого я сделал неправильного.

– Обязательно, – кивнул господин Тантамир, перехватив у официанта рюмку. – За удачное знакомство, господин редактор.

– Удача дает отчёт неприятностям, – поднял свой бокал редактор. – На «Эль-Вахид ченел» об этом целое шоу.

– Чуть, – качнул головой его собеседник и вкусно выпил. С удовольствием зажмурился, отставил рюмку и потянулся за фори-трубкой. – Всё это чушь. Включая этот ваш «Эль-Вахид ченел».

* * *

Для буднего промозглого вчера господин Тантамир оказался вполне приличным собеседником. Правда, часто казалось, что он забывал о редакторе и как будто рассуждал вслух, высказывая сомнения, странные ассоциации и похожие на оскорбления сентенции. Но всё это произносилось с такой легкостью, что не задело бы и более чувствительного человека, чем редактор. И вообще, если бы не короткое время после знакомства, то Разуто вряд ли узнал бы в господине Тантамуре того решительного руководителя, готового заменить полицию, врача и урегулировать любые претензии. Сейчас господин Тантамир вызывал больше симпатии.

Калужный оказался прав – собрание «группы адаптации» проходило по методикам фонда «Реальная жизнь», но сам господин Тантамир имел к фонду опосредованное отношение. Он представлял какую-то непонятную организацию, о деятельности которой высказался весьма туманно – что-то об изучении «динамики развития общего в рамках глобального перехода». Редактор понял так, что это даже не организация, а некая группа лиц с общими интересами, этакие скучающие сибариты, читающие переводы древних манускриптов, изданных за свой счёт. Разуто встречал таких людей – они были интересны, если только не считали каждого встречного тёмным и заблудшим и не навязывали своих идиом. Господин Тантамир безумным адептом сокровенного знания не выглядел, и широта его оценок это только подчёркивала. К примеру, его мнение о деятельности фонда «Реальная жизнь» простиралось от признания достоинств до абсолютного неприятия результатов.

– Единицам это полезно, но это даже не прививка, – говорил из клубов дыма Тантамир.

Мерцающая фори-трубка подсвечивала окутанную дымом бороду и придавала ему вид загадочный и трагичный.

– Все эти многочисленные фонды просто монетизируют симптомы и считают благом болезнь. Вы в курсе, что вначале та же «Реальная жизнь» была сборищем дистанционных курсов сетевого образа? Название было иронией, а вся их «реальная жизнь» по существу сводилась к обучению искусству тонкого троллинга. Это потом уже они почувствовали возможность урвать финансирование и придумали свои методики – все эти «день без коммуникатора» и «запах лесного утра». И угадали или пролоббировали – отлучать от сети стали по приговору, а они уже тут как тут, одобренные и сертифицированные, только плати.

– Я не пойму, что вы считаете болезнью? – прервал затянувшийся монолог редактор. – С чем нужно бороться? С сетевой зависимостью?

Тантамир вынырнул из облака дыма, склонился над столом и посмотрел на редактора.

– Давайте угадаю, – прищурился он. – Ваш индекс цитирования близок к нулю, а СА-коэффициент минимальный. И это притом что вы редактор. Корпоративное требование? Впрочем, неважно, – снова откинулся он на спинку дивана. – К счастью для вас, вы далеки от этого. Все эти курсы, группы реабилитации и отлучения, статистика нервных расстройств и рост неформальных объединений для вас пустой звук. Но с последствиями происходящего вы сталкиваетесь, хотя бы в рамках вашей профессиональной деятельности.

– Всё может быть. И как же вы определили мою сетевую активность?

– Это просто. Вы не разу не потянулись к коммуникатору.

– Здесь нет сети, – пожал плечами Разуто.

– Это не имеет значения, – отмахнулся Тантамир. – Симптоматика не требует подключения. Для многих и псевдоинтеллект коммуникатора – отличный собеседник. Вы видели моих подопечных? Странное производит впечатление, не правда ли? А это обычные люди, всего лишь лишённые этого устройства. Домохозяйка наказана за использование во время вождения, работяги – за оскорбительные комментарии, студентка – за использование на тестах. Другое дело эти молчаливые добровольцы! Их появление удивительно и даёт нам надежду.

– То есть сеть – это, по-вашему, болезнь? – вывел Разуто. – Вы боретесь с Интернетом?

– Звучит нелепо, не правда ли? – усмехнулся Тантамир. – До абсурда нелепо. Нет, как любые уверенные в своей правоте, мы слегка одержимы, но не до таких, конечно, пределов. Сеть что – просто инструмент. Вопрос в его использовании. Вот вы думаете, причины цифровой контрреволюции в неспособности обеспечить занятость населения? Это видимость, официальный пиар. Просто кто-то во власти наконец сообразил, что, оцифровывая все подряд и увеличивая вычислительную мощность, получаешь искусственный интеллект без всяких дополнительных алгоритмов. То есть риск получить решение из неизвестной оценки разумности. И все плоды контрреволюции – это развернувшаяся борьба за частные базы данных для минимизации рисков управления поданными. Но это даже не полумера и только часть проблемы. Самое противное в другом: ещё не договорившись об общих значениях, не сбалансировав взгляды, все кинулись в сеть за ответами, так и не научившись формулировать вопросы. Естественно, получилась ещё одна вавилонская башня, да ещё и с возможностями тотального контроля. Мы считаем...

И господин Тантамир, окутавшись новым облаком, начал объяснять постулаты своего мировоззрения, заставившие его покинуть столицу и проводить чёт знает где семинары по лицензии фонда «Реальная жизнь». Редактор потянулся к портсигару – «Большой Берты» где-то на полчаса презентации должно было хватить. ещё один коктейль – «терпкий, так чтобы оттенить вкус сигары» – уже принесли. Спешить некуда, а ситуация забавляла – Разуто не мог припомнить, что бы ему вот так сразу после знакомства начинали рассказывать, как всё на самом деле устроено. Да ещё так обаятельно-уверенно.

«Большая Берта» уже дотлевала, а его новый знакомый только закончил со статистикой доказательств. Говорил он многословно, сыпал цифрами, сложными определениями, но редактор всё равно не понимал, как эта философия соотносится с посещением маленького городка. Но не перебивал и изредка одаривал собеседника внимательным взглядом.

Человечество в беде, говорил господин Тантамир. Пока не сильно, чуть-чуть. Если обобщить, то эта беда называется неструктурированный поток информации при отсутствии бесспорных терминов и росте равнодушия частного к общему. И объём его геометрически растёт, поднимая человечество на поверхность информационного пузыря. Желających понять истину становится все меньше, среда отвлекает на якобы срочное и важное. Это уже привело к десакрализации смыслов, к низложению принципов, низвержению идеалов и отсутствию убеждений. Как следствие, происходит уменьшение обычной человеческой памяти – до такой степени, что люди не могут запомнить собственное мнение. Следующий шаг губителен – под угрозой память интуитивная. Человечество может отвернуться от себя и никогда не осознает... Редактор не уловил, что именно необходимо было осознать. Что-то расплывчато-эзотерическое. И все это на фоне деградации, вызванной соцобеспечением, которое нивелирует личность, превращая человечество «в равнодушное к эзотерике, но подверженное экзотерике стадо».

– Вот прямо стадо? – переспросил Разуто. Из последнего предложения это слово было в контексте самым понятным и очевидно оскорбительным. Хотя Шокули могли и за «экзотерику» в лоб дать.

– Ещё какое, – кивнул Тантамир. – Не умеющее слушать, не воспринимающее информацию больше тысячи знаков, не способное сформулировать собственные цели.

Он осуждающе покачал головой.

– Сиюминутные, нетерпимые, поверхностные. И это устраивает сильных – такое общество всегда было легко управляемо. Это выгодно государственным институтам и транскорпорациям, но кто назначил их ответственными за прогресс? Одни по определению консервативны, а вторые имеют в своей основе ложный постулат. Вы же не определяете прогресс словом «выгодно»?

– Только так и определяю, – признался Разуто.

– Что ж, поздравляю, ибо даже они ошибаются. И якобы консерватизм, и тем более выгода сегодня определяются не создателями вычислительной мощности, а непосредственно ею. Она перехватила управление без всякой борьбы, и теперь её конструкторы передвигаются только по созданным ею маршрутам. Единственный выход – это заморить её голодом, ограничить доступ к информации, а нам поискать ответы в себе. Неужели вы не понимаете, что если программа будет отвечать человеку, то в конце концов ему нечего будет спросить?

– Это, наверно, печально, – покачал головой Разуто. – И как же вы хотите бороться с такой напастью? Объединить сетевых хулиганов?

– Что вы, уже давно не нужно никого объединять. Проще возглавлять объединившихся. И неважно, что они декларируют, главное – на что они ради этого готовы. А лозунги поменять – это дело одного дня.

– Как-то неуважительно вы к убеждениям.

– Я же объяснил – человек уже не имеет убеждений. Двое – тем более. От них нужна готовность что-нибудь поменять. И с количеством участников любой группы эта штука пропорционально растёт, а приверженность идеям падает. Поэтому, если вы хотите чего-то добиться, берите любую организацию равнодушных и ведите её туда, куда вашей душе угодно. Достаточно поменять одного человека в руководстве.

– Так уж и любую.

– Так вы думаете, что их цель – куда-нибудь пойти? Ха, да бросьте! Их цель – не разбежаться! Поэтому да, любую. Любая организация – это признак нестабильности её членов. Человек самодостаточный никуда не вступает, он предпочитает следовать своим интересам. Поэтому совершенно неважно, к примеру, что хотят сказать своими заклеенными ртами сегодняшние бузотёры. Главное – чего-то хотят. Этого достаточно.

– Так вы планируете возглавить этих молчунов?

– А тебе есть до этого хоть малейшее дело?! – внезапно и с явной угрозой спросил собеседник.

Он резко изменился. Сейчас перед редактором сидел человек жёсткий, напряжённый, как будто готовый к прыжку. Его агрессия чувствовалась физически, и даже дым от фори-трубки заметался, не желая находиться в такой опасной близости от её источника.

– Ну?! – с яростью переспросил он.

– Ни малейшего, – через паузу ответил ошеломлённый редактор. Он отстранился, замер на пару секунд и обернулся в поисках официанта.

– Слишком любопытный для равнодушного, – процедил Тантамир.

– Скорее вежливый, – прошептал Разуто и жестом попросил официанта его рассчитать. Дурацкие правила Грабова требовали ожидания бумажного счета и его визирования. Иногда игра Тори в древность раздражала.

– Так что вы спросили? – тон собеседника стал прежним. – Я не расслышал вопроса.

Редактор внимательно посмотрел на него. Господин Тантамир снова выглядел доброжелательным и заинтересованным, как будто это не он только что грозно шипел из облака дыма.

– Ах да, по поводу моих подопечных, – как будто вспомнил он. – Нет, это скорее маркетинговое исследование. Мы ведем переговоры с «Реальной жизнью» о поставках одного препарата, который полностью соответствует их декларируемым целям. Да, да, химикаты, – помор-

щился Тантамир, – но стремительное время требует быстрых решений. Наш препарат сможет придать этим курсам больший смысл, а мы получим необходимые данные. У вас здесь явная точка напряжения, возможно, эпицентр нового перехода, что всегда приводит к удивительным последствиям.

– Отлично, – сказал редактор, поднимаясь. Он решил оплатить счет у бара. – Успехов и всего наилучшего.

– Это, конечно, не противоядие, – продолжал Тантамир, как будто редактор не попрощался. – Но результат может быть очень неожиданным. Когда невероятное перестает быть новостью, может произойти масса интересного. Уже уходите? – наконец-то посмотрел он на редактора. – Что ж, я, пожалуй, с вами пройду.

– Не думаю, что нам по пути, – покачал головой Разуто.

– Это не имеет значения.

Тантамир убрал фори-трубку, театрально помахал рукой, как бы разгоняя дым, и стал выбираться из-за стола.

* * *

В большом зале посетителей осталось мало. Редактор остановился у бара и попросил у Бруно терминал.

– Так знаете, что вы сделали неправильно? – спросил Тантамир, подойдя к бару.

– Выкурил лишнюю сигару, – пробурчал Разуто.

– Это вредно, но не более того, – не обратил внимания на иронию Тантамир. – Сегодня вы дали этим добровольцам-молчунам выиграть. Они были удовлетворены результатом. Я видел их реакцию, они уходили счастливыми.

– Не разбираюсь в мазохизме. Мне пора, так что всего...

– Да-да, идёте, – перебил его новый знакомый и направился к выходу.

«Буцефала, что ли, разбудить? – прикинул редактор, смотря ему вслед. – Интересно, что он курит такое, что со второго раза не понимает?»

Бармен вопросительно посмотрел на редактора.

– Хорошая работа, Бруно. Последний коктейль был вообще шедевром – даже у соседа крышу снесло.

* * *

Господин Тантамир ждал на крыльце.

– Значит, в вашем цеху никаких изменений, – обернулся он к Разуто, убирая коммуникатор.

– Послушайте, – твёрдо сказал редактор. – Мы наговорились. Мне неинтересны ваши идеи, цели и...

– Это совершенно неважно, – перебил Тантамир. – Ваша реакция вполне прогнозируема. Борьба с интернетом, третий целевой переход, проблемы человечества – я прекрасно понимаю, как это выглядит. И не требую от вас принятия или осознания того, что, по вашему мнению, полная чушь. На ощупь свет и тень различны только чувству, которое очнуться не спешит. Но мы его разбудим. А пока оставайтесь собой, таким же, индексами не одержимым. Это сейчас самое безопасное. Ещё момент, – взмахом руки остановил он готового обойти его Разуто. – Я вам покажу.

Тантамир полез во внутренний карман и достал прямоугольную пробирку, очень красивую и заполненную ярко-жёлтой жидкостью. Редактору показалось, что содержимое светилось, хотя это могли быть отблески уличного фонаря.

– Вот, – кивнул Тантамир на пробирку. – Наш первый шаг и отнюдь не панацея. Но для нейтрализации предрассудков вполне годится. И мы готовы вознаградить за приобщение, и вознаградить щедро.

Он открыл пробирку, и редактору показалось, что над горлышком возник лёгкий золотой пар. Тантамир чувственно его вдохнул и приподнял пробирку, как будто готовился произнести тост, но промолчал и, торжественно запрокинув голову, выпил.

Редактор сдержался, чтобы не покрутить у виска и сделал шаг в сторону, пытаясь обойти застывшего с пробиркой у рта идиота. В этот момент Тантамир безвольно опустил руку, пробирка упала и разбилась, а сам Тантамир начал заваливаться на него.

Разуто хотел отойти и в то же время инстинктивно вытянул руки. Это позволило его собеседнику все-таки завалиться, но уберегло его голову от удара о перила. Тантамир глухо упал лицом вниз, прямо на осколки пробирки.

– Твою-то панацею! – выдохнул редактор. – Что за... Эй! Э-эй! —

Он присел над упавшим и попробовал его перевернуть. Бородач оказался тяжелым и неудобным. Разуто огляделся. Вторая Центральная была пуста.

– Да что же это за... Ты, припадочный! Что с тобой?!

Ему удалось немного повернуть голову лежащего. По бледной бородастой роже понять, живой он или нет, было решительно невозможно. Видимый глаз Тантамира закатился, что почему-то снова придало его лицу угрожающее выражение. Редактор хотел пощупать пульс, но лезть под бороду не хотелось.

– Сволочь! – выругался редактор, аккуратно положил голову назад и направился в клуб.

* * *

– Тварь философствующая, – негодовал Разуто, стремительно пересекая вестибюль. – Не мог сожрать свой анализ, когда я уйду! Бруно, вызывай скорую! И позови кого-нибудь, этого придурка нужно занести.

– Кого? Что случилось?

– Зови официантов, он весит как слон!

– Вы в порядке, господин ре...

– Бруно, потом! Зови людей!

Недоумевающий Бруно вышел из-за стойки и, призывно махая рукой, отправился в глубь большого зала. Разуто огляделся, заметил за угловым столиком Вазольвата и Шокулей и направился к ним. Это было ошибкой. Вазольват сосредоточенно икал, в такт стуча рюмкой по столу. Братья ещё сумели сфокусироваться и поднять на редактора осоловевшие взгляды. Но затем они судорожно задергались, изображая радость узнавания, и редактор понял, что на помощь этой компании рассчитывать бесполезно.

Через несколько минут Разуто все-таки собрал «команду спасения» и, не отвечая на вопросы, повёл их на крыльцо. Он распахнул входную дверь и проглотил приготовленное распорядителем. Крыльцо было пустым.

– Господин редактор? – тихо спросил Бруно. – Кого нести?

Из-за плеча бармена вытягивали головы официанты.

– Вот гад, – прошипел редактор. – Уполз.

Давненько Разуто не был в такой дурацкой ситуации. Даже не припомнить когда. Он негодуя покачал головой и повернулся к остальным.

– Все, расходимся, – как можно твёрже произнес он. – Посетителю стало плохо, но, видимо, оклемался.

Официанты зашумели и потянулись назад. Бруно остался.

Разуто вышел на крыльцо и огляделся. Вторая Центральная была по-прежнему пустынна. Он опустил взгляд – надо же, даже осколки забрал. Так на них и пополз. И, нужно отметить, шустро пополз. Сколько его не было? Минуты три? Пять?

– Это тому бородатому плохо стало? – подошел к нему Бруно. – Странные они, я говорил, как только эти малопьющие появились. Люди разные, а чокнутые одинаково.

– А раньше он приходил?

– Вроде был пару раз. Я непьющих не запоминаю. Смысл?

– Разумно. Если ещё раз появится, влей ему ведро «Кольсарда». За мой счет. Пусть захлебнётся.

Редактор раздражённо кивнул Бруно и отправился домой.

4. Обнять необъятное

*Из почты шеф-редактора филиала «Фёрст Паблик нот Интернешнл».
Отправитель: Не_Игнор*

Тема: Происки богов, сцена вторая

«День, когда я окончательно перестал понимать, что происходит, был не совсем обычным и имеет привязку к календарю. Редкий случай – у меня плохая память, и частенько я не могу вспомнить события и географию прошлой недели. Но этот день я помню. День рождения моей бывшей. Муторная дата сама по себе.

Не пойти было нельзя, и это злило ещё до получения официального приглашения. Лоренция расстаралась и придумала празднику самый дикий формат – выезд на природу! Уверен, специально – знает, как я «обожаю» пикники, печёные корнеплоды и разведение костра. Так и этого ей показалось мало – в приглашении особо рекламировались конные прогулки, воздавая дань моей известной фобии ко всему крупнокопытному. Ни к Лоренции, ни к какой другой кобыле я б и близко не подошёл, но она, как и её новый избранник Аскольд, была из нашей компании, моего маленького мира. А значит, проще пойти, чем объяснять всем и каждому очевидное. Заводить новые знакомства я не умел.

Кроме наших, Лоренция пригласила своих чат-подруг, вирт-спортсменов из клуба «Долголетие» и какого-то монаха, как она представила – её личного духовника. Дядька, наверное, содрал искать у девки душу.

Пикник получился недолгим – один из вирт-спортсменов получил копытом в лоб уже после первого тоста. Я ему искренне посочувствовал, но у остальных это вызвало почему-то бурное веселье. Народ смеялся, и грузили спортсмена в скорую, только что не приплясывая. За что ему досталось столько любви, никто объяснить не смог.

Я твёрдо решил сегодня больше ничему не удивляться и быть верным себе – получать удовольствие. Даже намеки Аскольда о надеждах разделить непомерные расходы и постоянное хихиканье Лорцы как подтверждение наступившей на неё благодати не сбивали меня с праздничного ритма. Я радостно обещал чего-то Аскольду и хихикал вместе с бывшей. Я употреблял самогон, хвалил корнеплоды и пел хором с чат-подругами. Мне было хорошо. Я готов был оплатить все расходы и обнять Лоренцию. Я напился первым.

И может быть, поэтому не сразу заметил, что праздник подошёл к концу и началось это новое сумасшествие – выяснения, кто кому и за что должен быть благодарен. Сегодня героиней была моя бывшая – благодаря именинам её долги обсуждались особенно рьяно. Выяснялось, что своих чат-подруг она плохо ценит, а они столько раз выручали её советами; что вирт-спортсмены не чувствуют отдачи, а пота ими пролито немало; что у близкого окружения тоже, оказывается, претензий столько, что впору объявлять бойкот Лоренции и её потомкам вплоть до седьмого колена. Я трезвел, слушая перебивающих друг друга моих друзей – было полное впечатление, что это они вместо меня состояли с ней в браке.

Но больше всех негодовал Аскольд: и взял-то он её по доброте душевной, и самогон-то он оплатил, и в постели старается, а она, неблагодарная женщина, смотри, рыдает. Моё злорадство закончилось, когда Аскольд

увидел меня и тут же потребовал оплатить «приданое этой шалаве», ибо нет, по его мнению, ничего более эротичного в бабе, чем деньги. А у него пропадает эрекция.

Ошарашенный, я пятился назад, когда Аскольда оттолкнули и в круг света от костра вступил монах.

«Лоренция, – наступил он брови. – Людьми звучит истина. Это последствия твоего деяния».

Монах осуждающе покачал головой и вдруг завопил:

«Осознай, ты продала лик дьяволу!»

Он подхватился и бежал её по кругу, бросая свирепые взгляды на окружающих.

«Кто получил выгоду от сего действия?!» – кричал этот божий человек.

И остановился передо мной.

«Ты?! Вижу, получил! Ты пособник! Кайся!»

Монах больно толкнул меня в плечо и снова заметался, обвиняя остальных в пособничестве и трате выгоды на цепи зла. Уже не только я – все не понимали, что здесь происходит, пока монах не заметил, что его фотографируют, и окончательно не обезумел.

«Заковать меня решили, ироды?! Стереть мой лик с очей всевышнего?!»

Он бросился на фотографа и вцепился зубами в его руку. Остальные столпились вокруг.

Пока одни снимали побоище на коммуникаторы, а другие им препятствовали, я подошёл к рыдающей Лоренции, поднял её и повёл к лесу. Не знаю каким чудом мне удалось поймать лошадь, залезть на неё и затащить Лорцу, но обошлось – крики Аскольда: «Я чувствовал, что она порченая!» – мы услышали, уже скрывшись из его вида. Дольше всего нас преследовал вой монаха:

«Покайся, Лоренция, кузнец цепей дьявола, прислужница паутины зла!»

Искренне – впервые за долгое-долгое время – я прижал вздрагивающую Лоренцию к себе:

– Лорца, не плачь. Ты не такая.

Она была не сахар. Жуткая стерва, мелочная и завистливая.

Но я её обнял».

– Закат, круп коня, слёзы, занавес. Только вот финала не будет – с такой подводкой зритель уснет на втором эпизоде.

Шеф-редактор посмотрел свойства вложенного файла – до финала, похоже, было ещё далеко. Автор в шляпе исполнил угрозу и прислал наброски «адского посыла».

– Он вообще представляет себе, как выглядит сюжетная схема?

Разуто поморщился и смахнул письмо в папку «День случайной вакансии». Чужой набор безумных фантазий сегодня был абсолютно не по настроению. Хотя вот это «обнять Лоренцию» было достаточно ёмко. Хорошее определение самопожертвованию – «обнять стерву».

В остальном, что же, нужно признать – роботы пишут лучше. Разуто читал сочинения последнего поколения творческих программ – все чётко, с мгновенным погружением в сюжет, образцовой динамикой и тщательным хронометражем. Задай тему, описание событий и получи почти готовый сценарий. Эмоций маловато, но это поправимо – актеры мимикой дорисуют. Только вот оценить результат тоже вполне себе может робот. А зачем тогда Разуто?

– «Обнимать Лоренцию», – придумал странную альтернативу занятости редактор. – Ну или сдувать пыль и менять батарейки. Зато про сумасшедших монахов читать не придётся.

Дурацкая фраза про объятия запала в голову, и редактор, улыбаясь, продолжил изучать корреспонденцию. В дверь постучались.

– Господин редактор, можно?

На пороге нерешительно застыла одна из сотрудниц секретариата, миловидная застенчивая девушка. Редактор постоянно путался, кто из них кто, и поэтому старался избегать в диалогах обращений по имени.

– Да, входите.

– Вам звонил господин по фамилии Калюжный, – сделала один шаг девушка. – Он просит назначить встречу.

– Надо же, оклемался, – прошептал Разуто и повысил голос: – Передайте ему, что завтра вечером я планирую быть у Грабова, там и увидимся. Так и быть, обнимем подлеца.

– Хорошо, – отчего-то смутилась девушка.

Редактор посмотрел на неё и неожиданно спросил:

– Послушайте, у вас есть бывший?

– Извините?

– Ну, бывший? С которым не судьба и так далее.

Пухленькая Грета, в силу скромности вожделиний мечтающая о простом – чтобы Разуто запомнил, как её зовут, растерялась и покраснела.

– Хорошо, не бывший. Кто-нибудь противный, так чтобы мороз по коже и эпитафия в радость. Такой у вас есть?

– Такой есть! – кинулась в омут девушка, смешно тряхнув чёлкой.

– Отлично, – отпил из стакана редактор. – Вот у вас...

– Меня зовут Грета! – решила на восклицание девушка.

– Да, конечно. Так вот, Грета, вы можете представить состояние, когда вы простите все его недостатки и с пониманием обнимете?

– Я?... Я... Я прощу!

– Осталось обнять. Что ж, спасибо. Пожалуйста, найдите господина Фуллера и попросите зайти ко мне.

– Я... смогу обнять... – выдавила Грета и совсем уже пошла пятнами.

– Вам везёт. Чаще всего я столько не выпью, – убил её надежду редактор и развернулся к медиастене.

Секретарь, окончательно запутавшись, потопталась и, ещё несколько раз оглянувшись, покинула кабинет.

– Обнимет, как же, – усмехнулся Разуто. – Молодость. Думает, это просто.

Он вывел на медиастену уведомления о пропущенных вызовах. Так и есть – Калюжный звонил четыре раза. Да ещё, видимо, Грабова подключил – три пропущенных вызова были с личного аккаунта Тори. И ни одного сообщения из группы «Феминизмы».

Редактор прокрутил контактный лист. С одной стороны, можно подобрать контент и повеселить девушек. Большинство имели открытые аккаунты на «Кармараме», и если изучить актуальный профиль, то одним демотиватором можно вызвать активность многих. Оценить реакцию, ещё пара видео – как вообще дела, давно не виделись, ну и так далее. С другой стороны... Грустно, но с возрастом наличие возможности не обозначает необходимости её реализации. Скорее наоборот... Карл закрыл контакты и вернулся к просмотру рабочей почты.

Оставалась ещё пара часов до окончания рабочего дня. Какой-то он сегодня на редкость трудолюбивый. И всего за половину оклада.

– На кладбище сам пойдёшь, раз такой независимый, – вздохнул редактор. – Кстати, о кладбищах. Где там Фуллер?

* * *

Начальник «инкубатора» не заставил себя ждать. Дверь распахнулась, и руководитель отдела локальной коммерциализации контента промаршировал в кабинет. На строевом смотре инвалидов запаса мелкому хрому Фуллеру не было бы равных.

Роза Фуллера редактор считал лучшей своей находкой. Хотя поначалу общение с этим господином трудно поддавалось переводу на понятный язык, да и сейчас часто оставалось таким же. Тем больше повод для гордости – рассмотреть отличного специалиста в неразговорчивом оппоненте мог только очень хороший руководитель.

Знакомство произошло пару лет назад, когда Фуллер обратился в «Фёрст Паблик» за поддержкой своей рекламной компании. К редактору пришел юрист филиала и принялся эмоционально жаловаться на вездного представителя фирмы «Интеграция предков. Инкорпорейтед».

– Масштабно, – очаровался тогда Разуто. – И куда же предков нужно интегрировать?

Как выяснилось, Фуллер хотел интегрировать прошлые поколения в сеть. Придумал лозунг «Отправь на могилу» и хотел осуществить раскрутку идеи через местных блогеров.

– Я не понял, – признался юристу шеф-редактор. – На могилу? Что именно он желает похоронить?

После долгих объяснений выяснилось следующее: господин Фуллер придумал сделать бизнес-империю на могильных медиауголках. Когда-то давно само появление медиауголка на надгробиях вызвало кучу споров и разделило кладбища на традиционные и атеистические – большинство конфессий не поддержали замену портрета на видеоряд. Хотя все было достаточно безобидно: вместо фотографии монтировались небольшие энергонезависимые планшеты с милыми нарезками жизненного пути почившего. «Новым атеистическим» даже удалось произвести фурор своими загадочными мерцаниями. Господин Фуллер решил пойти дальше и подключить надгробия к сети. Так, чтобы потомки делились с усопшими в моменте актуальным, что, по мнению Фуллера, усиливает связь поколений, облегчает разлуку и так далее. Он много подобного «положительного» себе придумал. Один «интеллектуальный сервер памяти» чего стоил – предполагалось загружать в него профили усопших, наделяя голосового робота чертами их личности.

От филиала «Фёрст Паблик» требовалось совсем чуть-чуть: всю эту затею регионально разрекламировать. Реакцию предсказать было невозможно, и филиалу оставалось только выбирать, когда судиться – до или после рекламной компании.

Разуто захотел пообщаться с предпринимателем лично и еле сдержал смех, когда мелкий Фуллер грозно прихромал в кабинет и безапелляционно уставился ему в переносицу. Диссонанс был дикий. Запредельно жёсткий в сетевых переговорах, воочию руководитель «Интеграции предков» едва возвышался над крышкой стола. Но смотрел спокойно и сурово.

Как выяснилось, продвигал Фуллер не своё и руководил стартапом на аутсорсинге. Его компания была пробным шаром каких-то столичных инвесторов, решивших пробить идею в недорогом по затратам регионе. Сама идея его не вдохновляла, но юридических изъянов он не увидел, а моральные не рассматривал. Так как не специалист.

Пообщавшись, Карл оценил способности посетителя и перекупил Фуллера. За пару дней крючоктворец поправил требования филиала к рекламодателям и занял место руководителя отдела локальной коммерциализации, прославив его жёсткостью позиции и неуязвимостью условий предоставления контента. А ещё Роз был незаменим в поиске информации, которую он доставал из неведомых источников и, сократив до существительных, предоставлял по просьбам редактора. «Краткая энциклопедия Фуллера», как называл этот его талант Разуто, никогда не давала сбоев.

– Добрый день, господин редактор, – проскрипел Фуллер, привычно оккупировав четверть кресла.

– Добрый, добрый. Как дела, каковы сборы?

– Согласно статическим ожиданиям.

– То есть всё по плану? – переспросил Разуто.

Фуллер вопрос проигнорировал. Редактор не удивился, он давно понял, что на повторные утверждения Роз энергии не тратит.

– А какое наполнение по запрошенным трендам?

– Перевыполнение. Основной поток с пороговым рейтингом. Значительное превышение статистической погрешности.

– Вот как? – автоматически удивился Разуто. – Тебе не показалось, что программа сбоит? Вчера, к примеру, потребовалось моё вмешательство в определение уровня доступа.

– Сбоев не зафиксировано.

– Ну не знаю, случай был очевидный. Может, где-то криво встала и рейтинг завывает?

Фуллер не пошевелился. Редактор понял, что комментарий не будет, и перешёл к вопросу, ради которого он Фуллера вызвал.

– Роз, вчера в «Матовом глянце» произошло недоразумение. Вначале подрались двое каких-то сумасшедших, и, похоже, это попало на видео. Господин Грабов, владелец, очень дорожит репутацией клуба, и поэтому у меня просьба: нужно перекрыть распространение материалов по нашим каналам, а лучше совсем отбить желание продажи. Основание – правила клуба и какие-то пункты лицензии, это есть на его сайте. Возможно с этим багажом нагнать страху?

– Поток просеивать? – по-своему ответил Фуллер.

– Пожалуй... – редактор взял паузу на размышление. – Не стоит. Фотографий участников у меня нет, если только фото Калюжного из соцсетей взять... Обойдётся. Достаточно не допустить упоминания клуба. И второе. На крыльце одному из посетителей стало плохо. Это должно было попасть на уличные камеры. Мы можем посмотреть это видео?

Фуллер молчал.

– Хорошо, тогда два вопроса: кто был этот посетитель и куда он делся.

– Увеличился приток реверсного контента.

– Что?..

Разуто никак не мог привыкнуть к привычке Фуллера начинать новую тему, когда предыдущая, по его мнению, была исчерпана.

– Подожди... – он потер висок и сосредоточился на новой вводной. – А с чего бы это?

– Двадцать процентов заявок уже не покрываются наличием.

– Надо же. А с чего такая радость, может, из-за выборов мэра?

Реверсным контентом называли материалы пользователей, совпадающие с желанием заказчика что-нибудь проиллюстрировать, создавая общественное мнение на основе народного творчества. Дополнительная ротация запускалась без сопровождающей рекламы и была достаточно затратной для клиента. Поэтому среди заказчиков преобладали в основном крупные корпорации или политики. Правильно подобранный контент легко иллюстрировал необходимость любых политических инициатив и своевременность лозунгов.

– Да нет, для выборов это сильный фальстарт, – покачал головой Карл. – Что у нас ещё такого намечается?

Фуллер слез с кресла, кивнул и замаршировал на выход. Шеф-редактор не мог отвести взгляда – совокупность хромоты и строевого шага подчиненного всегда его завораживала.

– Ать... два, – тихо по привычке подобрал он счёт. – Ать... два. Шагает в шортах детвора.

Проводив сотрудника взглядом, он вызвал на экран статистику «медиаинкубатора» и прикинул изменения по сравнению с предыдущим кварталом. Странно, реверсный контент

вырос практически с нулевого уровня. Может, это связано с манифестацией, о которой говорил Грабов? Вроде хоспис и их какая-то протестная акция... Но левым и так все должны – они никогда не оплачивают трансляций. А значит, на скачок реверса повлиять никак не могут.

– А если и правда за стул мэра возня началась? – Карл закрыл статистику, откинулся в кресле и мечтательно потянулся. – Вот было бы здорово! На полгода шуток, пляски и шествия с хоругвями вокруг клумбы. Класс!

Разуто любил выборы. Точнее, не сами выборы, а антоним интриги, им предшествующей. Всяко забавней, чем обсуждать спортивные результаты.

Шеф-редактор выключил экран и, напевая, направился к шкафу с одеждой.

– Послушай, ты! Не ты! А он вот и она. У всех есть шанс попасть во власть, друзья!

Всем уравнило масти и права дитя свободы – дева Демократия.

А значит, целься. Бери власть на прицел. Сожми свой голос до размера пули.

Прикинь дистанцию – и пли! Чтоб голос долетел! Чтоб критики фонтан вовеки не заткнули!

– Все-таки Иосиф Тихий уникальный debil, – подвел итог песенке шеф-редактор и, застегнувшись, отправился домой.

Сегодня лучше избежать посещения увеселительных заведений – очень уж игривое настроение: то стишки декламирует, то песенки напевает. Такое «ля-ля-фа» всегда оплачивается дороже, чем зябкая грусть осенней меланхолии. Уж в чём в чём, а в конечной стоимости своих настроений господин Разуто был огромный специалист.

5. Ave media

Блог пользователя «Факт Прочь» (перекрёстно подтверждённый аккаунт Фомя Проча, индекс цитирования ноль – тридцать пять, коэффициент социальной активности средний). Видео размещено в период, когда пользователь блога находится в коме.

Изображение было дёрганным и достаточно невнятным. Вот автор садится в такси, он явно нетрезв и с такой же весёлой подругой. Знакомые с Фомием по мельканию профиля опознавали его жену. Виртуальные знакомые довольствовались её возбуждённым смехом и не сосредотачивались на деталях. Такси трогается, и фокус перемещается на руку Фомия, тщательно разглаживающую чулки попутчицы и безжалостно сминающую юбку.

– Снимаете? – раздаётся голос за кадром.

– Пока разминаемся, – похотливым шепотом отвечает оператор. – Может, и снимем!

– А зачем? Проявляйте любовь, но снимать-то зачем?

– Смущаем, что ли?

– Нет. Просто вы переносите фокус с себя на это устройство и перестаете наслаждаться насущным.

– Ты смотри, – шёпот оператора, – очередной философ застрял в таксисе.

Слышно хихиканье.

– Привлекая внешнее – вот эту камеру, – вы заглушаете внутреннее, чистое. Концентрируетесь на нём и теряете остроту инстинктивного. Но не в том адреналин, – вздыхает голос за кадром. – Я покажу вам способ сосредоточиться на истинном.

Изображение сильно дёргается.

– С ума сошёл?! – раздаётся крик Фомия. Такси виляет, камера падает на пол объективом вверх. В кадре руки оператора, судорожно сцепившиеся в переднее кресло. – Ты чё делаешь?!

Ему вторит испуганный визг попутчицы.

– Вы что, вы что, вы зачем?! Остановите, мы выходим, выходим!

– Стой! – панический крик перекрывает остальные звуки. – Ты чё делаешь, чё, гнида, делаешь?! Сними!

– Вот где свобода, вот в чём кайф. Никаких внешних раздражений, только инстинкт.

Голос за кадром еле различим. И он бесстрастен. По прозвучавшему в самом начале приветствию в нём можно опознать водителя такси, но других доказательств этому нет. Скользящая по полу камера выхватывает только напряжённый подбородок Фомия и профиль его визжащей на одной ноте жены.

– Вот теперь только мы. И инстинкт.

– Какой, на хер?! Сними! Куда?! Сто-о-о-о-ой!

Слышен звук сильного удара, и изображение становится тёмным. Несколько минут тишины, и снова спокойный голос за кадром.

– Чёртова автоматика...

Он звучит очень тихо и все так же бесстрастно.

*– Мы точно могли продержаться дольше.
Слышится скрежет, и тёмное изображение становится ещё и
безмолвным.*

Утром редактору позвонил преподобный Клавдий. Вызов осветил медиастену во время утренней гимнастики, и Карл ответил случайным взмахом, выполняя виньясу под комментарии коммуникатора. Пришлось сбить дыхание и судорожно переворачиваться – поза редактора была слишком неуважительной к сану звонившего.

Клавдий служил настоятелем местного прихода. Одно время Разуто общался с ним достаточно близко, поначалу даже вступал в теологические споры и искренне пытался разобраться, почему умный, образованный и вполне себе интересный человек занимается тем, чем занимается. Они часто встречались в «Матовом глянце», пару раз Разуто был на его службе и даже посетил организованный священником вроде бы монастырь, но так и не проникся тем, что Клавдий считал единственной истиной. Посещение монастыря только запутало редактора. Он предполагал встретить там смиренную паству – «отрешенных от бытия скорбящих», проводящих дни и ночи в молитвах о всеобщем прощении. А увидел разношёрстную публику с сомнительной святости рожами. Монастырь Клавдия скорее напоминал профилакторий для людей с крайней степенью алкогольной интоксикации. И эти странные послушники отнюдь не молились – часть из них неуклюже исполняли вялые танцы, напоминавшие замедленную съёмку восточных единоборств, а остальные, развалившись и подёргиваясь, наслаждались подобием чайной медитации. После этого визита Карл потерял надежду разобраться в идеалах священника, и общаться они стали значительно реже. Но отвечать на звонок настоятеля отключенным задом было явным перебором.

Встать получилось ещё менее изящно, чем перевернуться. Заболело колено, Карл поморщился и повернулся к медиастене.

– Доброе утро, святой отец.

– Здравствуйте, Карл. Я вам помешал?

– Нет, это был финальный поклон. Так далеко в утренних молитвах я редко захожу.

– Я слышал, позавчера у Тори произошел некий инцидент, – не обратил внимания на попытку пошутить Клавдий.

– Инцидент?

Разуто удивился – неужели его суета с Тантамиром достойна таких широких слухов?

– Какого рода? – решил уточнить он.

– Некие люди избili посетителя. Это имело место?

– Ах, вы об этом, – облегчённо протянул Карл. – Ну, инцидент – это громко сказано.

– Тем не менее... Мы можем сегодня увидеться?

– Сегодня? Я точно буду у Грабова. Подойдет?

– Давайте не в «Глянце». Вы знаете приход Заблудшего Лазаря?

– Это в переулке, в районе бульваров? Найду.

– В семь вам будет удобно?

– Вполне. Договорились.

Окно вызова свернулось, и коммуникатор потребовал вернуться в исходное положение.

– Вот уж на фиг, – отмахнулся Разуто. – Какой-то Клавдий напряжённый, тебе не показалось?

– По запросу «напряжённый Клавдий» есть следующие результаты.

– Обсуди с пылесосом, умник. Жесты ответа, настройка.

Отрегулировав варианты ответа на входящие вызовы, Разуто пнул примчавшийся в гостиную пылесос и пошел в душ.

* * *

Вечером редактор пораньше покинул офис и неторопливо шёл по улице, перебирая в коммуникаторе новые поступления в разделе «Традиционные искусства». В наушниках зазвучал хриплый голос Иосифа Тихого.

*– Бег времени субъектом обусловлен.
Года желания секундами дробя,
Истому ощущать часами был способен
И через миг затих. Не мог любить себя!
Исчез зов плоти, похоть омертвела,
Взлет духа жажду в сумрачный предел,
Но как страдать, коль боль ушла из тела?
Придумать страсть я так и не сумел...*

Произведение называлась «Энтропия». Небрежный речитатив поэта полностью диссонировал с приятной мелодией, не позволяя считать это музыкальной композицией. Было впечатление, что Иосиф напевал под первую попавшуюся фонограмму.

Карл не помнил, когда и зачем он подписался на подкаст этого лирика, и все забывал отписаться. Хотя иногда было забавно – редактор относился к произведениям Тихого как к шарадам и пытался отгадать, что именно закамouflировал рифмами автор. Сегодняшний опус разгадке не поддавался.

– Сдаёт, бедняга, – устал разгадывать редактор. – Но финальная абракадабра в тему. Нужно будет поинтересоваться у Клавдия, чем страдать будем? А то небо уже насупилось, а перспективы непонятны.

Небо действительно было угнетающе-серым, вполне в духе предстоящего разговора. Клавдий был явно чем-то расстроен, но редактор никак не мог настроиться на сочувствие. Сложно сопереживать чужим тревогам в пятничный вечер. Ведь пятница. Ведь вечер... С крушением пенсионного плана растворить название дней недели в бесконечном безделье не случилось, и пятница для Карла снова заиграла своим пороговым значением. Только вот наступала всё чаще, не давая толком сосредоточиться на буднях.

Перед поворотом на бульвары редактор остановился полюбоваться на огромный рекламный щит, виртуозно встроенный в фасад старой ратуши. Яркие вспышки трейлера новой проекции «Ультразлодеев» причудливо оттеняли контуры здания на фоне серого неба, создавая впечатления судорожной возни героев сериала в пасти зевнувшего чудовища. Досмотрев ролик до конца, редактор услышал шорох за спиной и обернулся.

Прямо за ним почти вплотную стоял плотный мужчина. Его равнодушный взгляд лениво перемещался вокруг, не останавливаясь на Разуто. Не успел редактор отреагировать на внезапную близость незнакомого человека, как один из прохожих парней резко изменил направление и встал за мужиком. И тут же из-за спины редактора прозвучал любезный женский голос:

– Вы последним будете? Я за вами.

Парень равнодушно кивнул. Женщина бодро процокала каблуками мимо редактора и встала за спиной «последнего».

Редактор недоумённо огляделся. Да нет, прилавка перед ним не появилось. Он приподнял шляпу, изобразив прощание со странными людьми, и направился в сторону бульваров.

– Подождите, а за вами кто-нибудь занимал? – внезапно засуетилась женщина.

– Да, – оглянувшись, кивнул Карл, – санитары занимали. Они сейчас подойдут.

– Нет, подождите, ну так же нельзя! – протянула она руку, не сходя с места. – Что вы себе позволяете?!

– Всё! – как можно тверже отрезал Разуто и прибавил шагу.

– Извращенец, – очарованно протянул мужик. – И в шляпе!

Редактор ещё раз оглянулся перед поворотом – эти трое провожали его взглядом и недоумённо топтались, как люди, внезапно потерявшие смысл своего существования.

– Задрали любители, – ругался редактор, пересекая бульвары. – Из-за трёх просмотров в очередь встанут, пранкеры недоделанные.

Он не видел снимающего, но был уверен, что тот где-нибудь прятался и дурацкая сценка станет кусочком какого-нибудь вирусного ролика с нелепыми розыгрышами. Участвовать в подобном Карл ненавидел ещё сильнее, чем давать в долг.

Настроение испортилось, и в нужный переулок редактор входил уже немного готовым к сопереживанию. Что ж, вполне достаточно для встречи с представителем «вечного».

* * *

Приход был открыт. Войдя в маленький зал, наполненный светом множества свечей, Разуто осмотрелся. Ах да, храм. Осенив себя крестным знаменем, он заметил дверь в глубине и, закончив с ритуалом, пересёк зал по диагонали.

С дверью он угадал – Клавдий сидел за небольшим столиком и внимательно слушал посетителя. То, что это посетитель, а не служитель храма, можно было не сомневаться. Уж больно не соответствовал он ликом окружающей обстановке.

Не пойми отчего, но собеседник Клавдия внушал смутную тревогу, хотя примостился на стуле вполне смиренно и говорил тихо, не поднимая глаз. Но Разуто, бросив короткий взгляд, решил, что недавняя премьера «Жестоких нравов постмодернизма» все-таки слабенькая по фактуре, недотягивает. Здесь вот мужчина под послушника косит, и хочется как-то в тень отодвинуться, а в «Постмодернизме» вроде и здоровые лбы рожи корчат, но всё равно остаются какими-то милыми.

– Хорошо, Уфим, мы ещё это обговорим, – сказал Клавдий. – Историю я понял, обдумаем.

Посетитель поднялся и направился к выходу. Стоять у него на пути как-то совсем не хотелось, и Карл сделал шаг в сторону, освобождая проход. Уфим любезности не заметил и, не взглянув на редактора, вышел из комнаты. Разуто облегчённо выдохнул.

– Здравствуйте, Карл.

– А? Ах да, приветствую, отче.

Разуто тряхнул головой, сгоняя наваждение.

– Я не вовремя? – кивнул он вслед уходящему посетителю.

– Вы немного раньше.

– Ну так общество сейчас осуждает только опоздание, – «извинился» Разуто. – Преждевременность не в почёте у слабого пола, но мы-то с вами не из таких?

Улыбнувшись священнику, Карл повесил пальто на вешалку. Затем, не дожидаясь приглашения, отодвинул кресло и устроился в нём, закинув ногу на ногу. Немного покрутившись и убедившись, что стол не мешает коленям, шеф-редактор сложил на них руки. Вот теперь он был готов к разговору. Поза смиренная, взгляд недоумённый. Чё звал, падре?

– Общество... – зацепился за «шутку» Клавдий, пропустив «комплимент». – Карл, я бы хотел обсудить именно общество.

– Хорошая тема. Вообще или в частном?

– Ну как... – Клавдий встал и прошелся вокруг редактора.

Священник выглядел растерянным. Редактору показалось, что Клавдий сам толком не понимает, зачем он пригласил его и что, собственно, с ним обсуждать.

– Вас ничего не удивило в этом инциденте у Тори? – наконец-то решился Клавдий, остановившись возле собственного кресла.

– Удивило? – задумался редактор. – Ну, наверное. Во-первых, эти послушники. Парни странные и достаточно неприятные. Зачем-то заклеили рты, подходили к столикам, пялились. А затем эта внезапная и немотивированная агрессия. Калюжный ничего такого и сказать не успел, как его уложили на пол. Ну и вся эта группа какая-то странная. Да и вообще, вся затея с «Реальной жизнью» мне показалась достаточно идиотской.

– С реальной жизнью? – переспросил священник.

– Это название. Какой-то фонд, то ли исполняющий приговоры, то ли желающий, чтобы их было меньше. Борется с мелким сетевым хулиганством или тому подобной ерундой. Грубиянов принудительно собирают и рассказывают, что жизнь хороша и без сети. По мне, так очередная чушь.

– Так это было собрание... – задумчиво протянул Клавдий. – К тому же отверженных... А они нарушали запрет? – внезапно поинтересовался он. – Снимали свои действия?

– Другие снимали, – ответил Разуто. – Мужчинам было не до этого – их били. Клавдий, что вас так заинтриговало? Случай, может, и неординарный, но...

– Неординарный, – кивнул священник и задумчиво повторил: – Неординарный... Мне рассказали только в общих чертах. Сказали, что для вашего друга, владельца клуба, это было неожиданно и болезненно. Как и для остальных посетителей. «Глянец» – очень уважаемое место...

– Не на самой уважаемой планете. И драки случаются, ведь раздражение и нетерпимость вера пока не искоренила. С терпимостью у неё у самой беда.

– Да-да... – рассеянно кивнул Клавдий и молча сделал несколько шагов по комнате. – Ваше отношение к религии мне известно. Но я бы хотел поговорить не об этом, а об области, в которой вы являетесь специалистом. О навязанном представлении.

– То есть всё-таки о церкви?

Ёрничество Карла не вызвало у священника никакой реакции. Это было странно – обычно Клавдий благосклонно относился к иронии редактора и адекватно воспринимал его юмор.

– Клавдий, какой-то вы напряжённый. У вас что-то случилось?

Священник задумчиво покачал головой и остановился напротив редактора:

– Помните несколько месяцев назад нашу дискуссию о влиянии медиа на повседневность? И ваше противопоставление её религии?

– Помню. Только не противопоставление, а скорее идентичность. Кстати, достаточно стройно получилось, готов повторить. Вы и ваша епархия – третий результат появления медиа, а точнее, письменности.

– Да, именно это. Вы утверждали, что все придумано самим человечеством – и бог, и история, и нравственность, и постулаты. И что все вне зависимости от конфессии верят в книгу, а вы – в неё написавших.

– Ну, не только я. Многие – с поправкой на уровень культуры и образования. Ведь если человечеству обнулить сознание, а затем показать молнию, оно снова начинает молиться.

– А кто, по-вашему, это может сделать?

– Что именно, Клавдий?

– Изменить наше восприятие.

– Бруно, – не секунды не колеблясь, ответил Карл. – Кстати, хорошая идея, пойдёмте в «Глянец». Похоже, вам необходимо сменить обстановку.

И он показательно оглядел аскетичную обитель священника.

Клавдий вздохнул и снова как-то поник.

– Карл, послушайте. Я попросил вас зайти, чтобы... посоветоваться, что ли. Скажите, вы ничего странного не замечаете?

– Кроме этого разговора? Дайте подумать.

Разуто изобразил задумчивость.

– Так, – выбрал «тревоги» Разуто. – Процент реверсного контента вырос. И дни всё скоротечней. А в остальном всё так же безразлично.

– Что за процент?

– Количество контента оплаченного размещения. Мы приобретаем народное творчество, а те, кому оно подходит, оплачивают его дополнительную ротацию для паблисити своих интересов. Обычно сопутствует политическим изменениям или вирусной рекламной кампании. В нашем городке близок к минимальным значениям. А тут вдруг подрос. Ну и дни мелькают всё быстрее. Ещё вчера была пятница – и сегодня опять.

– Это случалось раньше? Я про процент, не про пятницу.

– Сколько угодно. Выборы, новый продукт, изменение законодательства, если инициатива сомнительна. Например, увеличение местных налогов. Чё-ё-ёрт, – хлопнул Карл себя по коленке, – обидно будет.

– Карл, мы в храме.

– Ну тогда нам не стоит переживать.

– Значит, налоги... А в остальном, если не брать этот процент?

– Клавдий, а в остальном незыблемо. Может, достаточно ходить вокруг да около? Что вас тревожит и в чём я могу помочь?

– Если бы я знал, Карл, если бы я знал... Скажите, а сколько в нашем городе проектов «Икс-Д»?

– Полноценных? Один. Мэрия скрипя зубами раскрашивает свою унылость. Рейтинг минимальный и основан на привязке к знакомым пейзажам... Там три актёра и мэр сценаристом. Но бюджет выделяется, шоу не прерывается. Да, похоже, ещё местная полиция начала снимать, но, судя по слитому в сеть дублю, ужас как неудачно. Все остальные транснациональные.

– Их много?

– Клавдий, смотря с чем сравнивать. В чём вопрос?

– Карл, мне кажется... Нет, я считаю, что «Икс-Д» имеет очень отрицательное влияние на общество. Подождите, не перебивайте. Я согласен с тем, что прогресс меняет мировоззрение. Методы подачи информации трансформируются, иллюзия ищет пути для полного погружения зрителя, его вовлечённости и сопереживания. Но объединение в «Икс-Д» реального и придуманного переходит все границы разумного. Эта жуткая смесь бытия и вымысла... Это выбивает основу мироощущения. Мне сложно сформулировать, но, надеюсь, вы меня понимаете. И вы как апологет всего искусственного... вы не замечаете изменений вокруг себя?

– И это всё, что вас тревожит?

Усмехнувшись, Разуто придвинулся к столу и, пошарив в кармане, достал мелкую монету. Подкинув её в воздух, Карл припечатал монетку ладонью к столу и, убрав руку, кивнул на неё.

– Вот ваше «Икс-Д». В номинале. И это на фоне бюджета... да хотя бы нашей нищей губернии. Даже не процент. Клавдий, вы представляете себе объём фантазий, тиражируемый каждый день в той или иной форме? Так вот, этот объём просто теряется в объёме новостей и аналитики, с ними связанной. «Икс-Д» – это просто мода сегодняшнего дня, и разговоров о ней больше, чем самого контента. Это как любительское порно – цепляет созвучным каждому антуражем и псевдодокументалистикой. И что вас встревожило? К тому же где реальность и где церковь?

– Карл, ещё раз, мы в храме.

– Сравнение не понравилось? Хорошо, обойдусь без сравнений. Ваши догмы незыблемы, Клавдий, «Икс-Д» – это просто форма представления сюжета, связанная с реальными событиями. Не вижу пересечений.

– Карл, почему вас так раздражает мой вопрос?

– Меня? Раздражает? Клавдий, я отвечаю не на вопрос, а на плохо разъяснённую тревогу.

– Что ж... – протянул священник.

Он сел, устало потёр лоб и внезапно продолжил в странной, какой-то безэмоциональной тональности. Как будто смирился с неадекватностью собеседника и невозможностью найти с ним общий язык.

– Недавно мне рассказали о множестве странных исповедей. В них прихожане делились не совершёнными грехами, а борьбой с искушениями, настигавшими их внезапно и толкавшими к черте запретного. В этих исповедях я отметил общую черту – их более всего заботило медиаосвещение их деяния. При этом само искушение часто подводило этих верующих к границам убиения, но не пугало исчезновением и неискупимым грехопадением. Их пугало отсутствие должного освещения их поступка.

– И что в этом нового? На контенте зарабатывают, и желание дураков выделиться...

– Две недели назад мой хороший товарищ, сельский настоятель из соседнего уезда, попал в крупную автокатастрофу.

– А, так это ещё не всё? Хорошо.

– В этой аварии погибло восемь человек. Он и ещё трое чудом выжили.

– Да, я читал об этом. Странный отказ автоматики.

– Дело не в автоматике. Я посетил его в госпитале. По его сбивчивому рассказу выходило, что люди не уклонялись от столкновения, а стремились к нему. Все, включая первых участников, могли его избежать. Но не избегали. Последний погибший, казалось, вообще сделал круг и, разогнавшись, въехал в самый центр.

– Ничего себе. Вы сообщили это инспекторам?

– Сообщил. Они списали на шоковое состояние очевидца.

– Так, может, это действительно так?

– Может. А на прошлой неделе в двух храмах посетители устроили массовые драки. Мордобой в церкви, месте примирения и прощения. И участники не случайные прохожие, а известные и достойные прихожане.

– Да? Странно, об этом я не читал...

– Это не значит, что их не было.

– Удивительно, что не попало в прессу. Все-таки нетривиальное событие... И что ваши славные прихожане не поделили?

– Карл, неужели вас волнует только это? Послушайте, давайте сегодня отложим споры о первичном, о призмах и мироощущениях. Я попросил вас о встрече не с целью опровергать ваши теории и критиковать размышления. Я прошу вас о помощи.

– В чём, Клавдий? События и вправду странные, но чем я могу здесь помочь?

– Чем? Я могу ошибаться в своих выводах. Но во многом вы правы – сейчас для многих внешнее сильно преобладает над внутренним. Человечество растворяется в медиа. Да, эта эпидемия началась не сейчас и вроде бы была незаметной. Но изменения всегда незаметны, они накапливаются, не меняя общего фона. А затем происходит фазовый сдвиг.

– Он же сдвиг по фазе? – аккуратно уточнил Разуто. Но Клавдий намёка не оценил и не ответил.

Он ещё раз потёр лоб и, подняв глаза, требовательно уставился на посетителя.

– Карл, я хочу знать о любом масштабном медиапроекте, готовящемся или запускаемом в ближайшее время. О любом, Карл!

– Мне докладывать по пятницам или позволителен свободный график? Оплата, как я понимаю, отпущением грехов?

– Карл, не нужно иронии! Я прошу.

Разуто внимательно посмотрел на Клавдия. Таким священника он ещё не видел.

– Клавдий, мне сложно будет помочь, абсолютно не понимая, в чём именно. Хорошо, я расскажу вам о любом крупном проекте, буде такой появится. Ну, если, конечно, вы не будете вставлять сюжет в проповедь. И готов обсуждать с вами странности вашего прихода вне зависимости от моего отношения к его актуальности. Только, мне кажется, вам нужно слегка отвлечься, что ли, смазать чёткость картины, вами нарисованной. Не нужно материализовывать непонятное в каком-то единственном ракурсе. Упустите остальное.

– Я просто не смог объяснить.

– Ну, из того, что я услышал... – задумчиво протянул Разуто. – Мне кажется, «Икс-Д» здесь не причем. Это не внешнее, это внутреннее противоречие. Да, люди мечтают стать источником новостей, но при этом абсолютно не верят в новости. Потому что просто не могут представить стимул быть честным. Сейчас легче поверить в бога, чем в новостной сюжет. И знаете почему? Потому что богу не нужны деньги.

– Но большинство умоляет создателя деньгами поделиться, – еле заметно улыбнулся Клавдий, и Разуто облегчённо рассмеялся:

– Именно! Вам давно пора объединиться с каким-нибудь кредитным учреждением. Ведь ничто так не способствует вере, как вовремя восполненный кредит.

– Возможно. Так вы собираетесь в «Глянec»?

– Составите компанию? Чудесно. Там понять ваши тревоги будет значительно легче.

Карл улыбнулся священнику, поднялся и направился к вешалке. Быстро одевшись и залихватски закрутив шарф, он прислонился к стене в ожидании неторопливого облачения священника.

– Кстати, о «Глянecе». Так что именно вас так встревожило в этом дурацком случае? Это же мелочь в сравнении с вашими ужасами.

– Вы сами ответили. Неординарность этого случая. Карл, это объединяет то, что происходит. До прихода страха, ужаса, жалости или скорби первым приходит удивление. Удивление тем, что это вообще происходит.

– Браво, падре. Ваш случай войдёт в учебники.

– А вот ваша реакция меня не удивляет.

– На том стоим, отче, – очень серьёзно кивнул Разуто, открывая перед Клавдием дверь. – Наше кредо – стабильные удовольствия. А значит, да здравствует медиа, источник неувидительного. Сценаристы «Тёмного экспресса» это особенно хорошо оформили: там главный герой четыре сезона хмурил лоб в предвкушении тайны и тревожно водил фонариком по закоулкам. А убийцей оказался проводник.

– Вы к чему это?

– А к тому, что смотреть под ноги нужно чаще. Глядишь, и в небе ничего не упустишь.

6. Метроном недели

Чат «К-роль, парни, наш стиль К-роль» (индекс цитирования участников ноль – тридцать три, коэффициент социальной активности высокий).

Вольт: Кто в курсе, как Шафа угораздило?

Фапир: Полный тьма. Обычный секс-райдер, он даже не чухнул, что она из «Трепетных».

Лоскут: А выложил зачем? Или это она?

Вольт: Ей на хрена? Чтоб повод был?

Фапир: У неё видоса не было, а он в тех чатах не трётся. Нет, на ровном месте и такой пиар!

Вольт: Что там было хоть? Сам блуд или что?

Фапир: Если бы! Шаф же с фантазией не дружит

(Фапир выкладывает видео.)

В кадре явно хорошо употребившие юноша и девушка снимают себя на коммуникатор и обсуждают дальнейшие планы на вечер. Диалог ведет юноша.

– Я сразу говорю: четыре минимум. Я страстный перец, жёсткий, но нежный! Устраивает?

– Смотря насколько нежный, – хихикает девушка.

Юноша высовывает язык и облизывает объектив.

– Гарантирую не меньше!

– Дурак, – улыбается девушка, – один уже мимо!

– У меня огромный запас, – юноша играет языком возле её лица, – не разочаруйся!

Девушка смеется и закрывает его рот рукой. Юноша отстраняет её ладонь, прикивает к уху девушки и, понизив голос, шепчет:

– Без ограничений, согласна? Я проникну везде, я буду повсюду, и ты будешь на небе! Согласна?

– Ну что ж, попробуй, – поворачивается к нему девушка.

(Видео обрывается.)

Вольт: Херь какая-то, детский лепет

Лоскут: Угу, я даже петтинг подробней согласую. А тут бикса явно стрёмная, а он за секунду на весь карнавал! Обезопасился, пля... Но как же это всплыло в этих чатах? У Шафа двойные пароли даже на обычные галереи!

Вольт: Да-а... Вроде чушь, но в там... Девку жалко

Фапир: Всех жалко. И фиг знает, как теперь перепихнуться, чтоб не зависнуть. Что снимать, как хранить?

В «Матовый глянец» Клавдий не пошёл. Не пройдя и квартала, священник извинился и, сославшись на упущенное, пообещал навестить Грабова «может, попозже».

– Конечно, падре. Я займу вам место.

– Спасибо, Карл. Я постараюсь не задерживаться.

Обманув друг друга, собеседники разошлись.

Редактор вздохнул с облегчением. Разговор со священником вызвал недоумение и оставил после себя один только вопрос – что происходит с Клавдием? Ответ лежал в области фан-

тазий, а фантазировать не хотелось. Ведь вечер пятницы... Время индulgенции, полученной на два следующих дня. Это как прикосновение к неге отсутствия обязательств, как погружение в суть желаний, когда предвкушение ярче желаемого...

Если бы у Карла спросили, как он себе представляет идеальный вариант времяпрепровождения, он не задумываясь ответил бы:

– Каждый день как вечер пятницы. С на бесконечность отложенной субботой.

* * *

В пятницу «Глянец» преображался. Из тихого и в чем-то действительно респектабельного клуба он превращался в шумный вертеп, перемешивающий в алкогольном экстазе все слои населения маленького городка. В такие дни золотой зал оправдывал свое эксклюзивное предназначение. Доступ посетителей в зал определялся лично Грабовым по каким-то его собственным представлениям об эксклюзивности. Предполагалось, что здесь дороже, и Тори каждый год рассказывал об увеличении стоимости членского взноса, но редактор не помнил, чтобы ему выставляли какой-нибудь счёт. К тому же большинство посетителей золотого зала часто не могли позволить себе лишний коктейль, а не то что вечно дорожающее членство. Завсегда-таки были совершенно различны по социальному положению и достатку. Единственное, что их объединяло, – это, пожалуй, симпатия владельца и его фантазии о светском обществе. Но тем интересней здесь было.

Редактор давно вписался в этот разношёрстный коллектив и даже считался здесь щедрым человеком. Ведь для страждущих поменять реальность он всегда делал исключение из своих правил.

Он пришел в клуб, когда веселье было в самом начале. На сцене разминался племянник Грабова, задавая музыкальный фон гомону выпивающей публики. Карл считал, что в этом главный талант Дарвика: казалось бы, полная импровизация его «оркестра» очень точно ложилась на обстановку и в конце концов подчиняла её себе – посетители и не замечали, как начинали двигаться и говорить в задаваемом им ритме, постепенно увлекаясь звучанием. Когда Дарвик начинал основную программу, равнодушных уже не оставалось.

«Ему бы саундтреки писать, – решил Разуто, остановившись на пороге большого зала и послушав пару минут. – Парень напрасно считает себя поэтом».

Он подошел к бару и поприветствовал Бруно.

– Бородатый из группы больше не появлялся? – спросил он у бармена.

– Вообще больше никто из этих не приходил. Ну и отлично, я считаю, толку от них ещё меньше, чем прибыли.

– Ясно. Бруно, сделай мне что-нибудь духоподъемное, но в рамках восприятия. Долгий вечер немолодого мужчины, как-то так.

– Хорошее название, господин Разуто. Я постараюсь.

– Постарайся, косорукий, а то в соцбюро тобой давно интересуются!

Из-за спины редактора выскочил ещё один завсегда-таки золотого зала, талантливый механик Лорк.

– Это нужный парень, – кивнул он на Разуто, – хотя по виду обыкновенный жлоб. Но тем и цепляет.

Вечно одалживающий на выпивку механик считал себя принципиально честным человеком и каждой фразой эту принципиальность доказывал. Его нарочитая откровенность не снискала особой любви у окружающих, на механика постоянно жаловались, но Тори ценил Лорка и из списков «важных персон» не вычёркивал. Такую оценку редактор полностью разделял, и «откровения» механика его даже забавляли.

Карл давно убедился, что Лорк не только «откровенен» на словах, но честен и даже отважен на деле. В первый раз редактор это отметил ещё при переезде – приглашённый по совету Грабова механик, кроя владельца трёхсоставными эпитетами, привёл долго пустовавший дом в полный порядок, по собственному почину проверил все коммуникации и исправил «безруко сляпанные» участки. А затем, ещё где-то через год, заметив редактора среди фанатов космобиля, Лорк с урной наперевес вломился в толпу, окружавшую недоумевающего Карла, и крутился вокруг, пока фанаты не отступили. Его энергичные действия позволили Разуто покинуть агрессивное окружение, хотя и показались Карлу излишне избыточными. И только потом случайно выяснилось, что механику это геройство обошлось в четыре глубоких пореза и кучу мелких ссадин – любители виртуального спорта отстаивали свои предпочтения реальными колюще-режущими предметами. После этого даже самые нелюбезные и некорректные высказывания Лорка перестали для Карла иметь значение.

– Привет, Лорк. Коктейль будешь?

– Чаянья считаешь, но хреново получается. Чистым угощай, без примесей, мне в долгу прозябать некогда. Слышал, стаканотёрка, двойной организуй, редактор справедливость оплатит.

Оплатив «двойной без примесей» Лорка, Карл дождался свой коктейль и хотел ещё немного послушать Дарвика, но появился Грабов и потащил его в золотой зал.

– Тори, умерь пыл, – притормозил друга Разуто. – О твоей эмоциональности и так уже в колокола звонят.

– Карл, у меня нет времени на загадки, – остановился Грабов. – О чем ты сейчас?

– С Клавдием пообщался. Он заинтригован мордобоем Калюжного. Считает это предтечей конца света.

– И правильно считает, – твердо кивнул Тори. – Я их больше на порог не пушу! Это что это такое, никакого уважения! Так они совсем обнаглели, – завёлся он и снова подхватил редактора под руку. – Не хотят забирать свою агитацию, представляешь?! И платить не хотят!

– Да ладно. Добились справедливости без демонстрации её желания?

– Я не знаю, чего они там добились, но еле-еле нашёл одного, кто хоть как-то в курсе. «Отпала целесообразность!» – плохо передразнил оппонента Тори. – Что это вообще значит?

– То, что мир полевел достаточно, боятся переборщить. Выкинь, коль неактуально.

– Там больше двадцати страйк-ап-панелей! Вот связался на свою голову: гардероб не работает, драку устроили, Барий до сих пор злится!

– Так вот отчего ты такой энергичный.

– Он давно тебя ждёт. Ты его не провоцируй, пожалуйста, я и так весь извёлся!

– Ему не понравилось? – изобразил удивление Разуто.

– Ну вот только не начинай, ладно? Пойдём, он уже несколько раз про тебя спрашивал.

* * *

Калюжный сидел за дальним столиком золотого зала, окружённый разной наполненности бокалами. Несмотря на это, он был собран и обошёлся без размягчающих собеседника вступлений.

– У вас скоро выборы, – твёрдо перешёл он сразу к делу после коротких приветствий. – Познакомь меня с кандидатами.

– Барий, да я понятия не имею, кто собирается выдвигаться, – честно признался Разуто, слегка оторопевший от такого натиска. – Ещё вроде рановато объявляться...

– В самый раз, – непререкаемо произнес Барий. – Сейчас они команду добирают, финансы ищут. Мне нужны оппоненты вашего мэра. Желательно все, кто намерен бороться, а не в поддавки играть. Это первое. Затем, мне нужен местный контент определённого формата.

Готов заключиться с твоим филиалом на подборку и трансляцию. Это второе. Профили избирателей мы предоставим – соцопросы и статистика согласия у нас имеются.

– Ты теперь занимаешься политикой? – немного удивленно спросил редактор.

– В пень политику, – решительно тряхнул головой Калюжный. – У вас здесь небо закрыто, а это юрисдикция местной власти. Нам нужно его открыть.

Как выяснилось, Калюжный представлял интересы компаний интеграторов малых летательных аппаратов в инфраструктуру городов. Компании объединялись и пытались частично отыграть результаты цифровой контрреволюции, снимая некоторые запреты в регионах, где это было отдано на усмотрение администрации. Для этого был создан фонд «Малое небо, безопасность и занятость», представители которого вели переговоры с руководителями администраций и при отсутствии результата поддерживали альтернативных кандидатов, согласных рассмотреть возвращение технологий. Параллельно фонд финансировал создание информационного фона, объясняющего, насколько его инициативы чудесны и как скверно жить без их реализации.

– Сейчас нам вступать самое время, – жестко шурился Калюжный. – У вас тут чёрт знает что происходит. Статистику происшествий видели? Одни аварии чего стоят!

– Да, я слышал, – задумчиво протянул Разуто. – И даже фирму из-за этого оплатил. Юридическую.

– Это правильно, следишь, значит, за обстановкой. Следовательно, про рост правонарушений тоже знаешь. Как взбеленился городок – везде снижение, а у вас наоборот. Но это нам только на руку – при применении дронов уровень безопасности вырастает на пять-семь процентов! Это если в лоб оценивать, без сопутствующих изменений. Так что всем выгодно, наша позиция беспроигрышная.

Редактор хотел уточнить, как именно дрон мог бы помешать стукнуть Бария в челюсть, но не стал. Разуто не хотел участвовать в его беспроигрышном проекте. Нет, контракт плёвое дело – филиал с удовольствием подпишет и выполнит все обязательства, но узнавать, кто собирается баллотироваться, и знакомить с ними Калюжного никакого желания не было. Редактору не хотелось объяснять, что он далёк от политики, что его должность не требует участия в светских тусовках и как его это радует. Поэтому он ограничился тем, что передал Барию контакты Фуллера и юридического отдела и пообещал содействие в подписании договора.

– А за кандидатами – это к Тори, – кивнул он на растерявшегося Грабова. – Это он у нас в политике дока – и фондам помогает, и митинги устраивает. Очень активная позиция у человека.

– Тори мы подключим, – не отвлекся Калюжный, – но нам здесь сейчас любые связи нужны. Ситуация смотри какая...

И Калюжный снова пустился в описание «окна возможностей» и важности быстрых действий. Таким упорным и решительным Барий нравился редактору ещё меньше. Разуто повторно выслушал его агитацию и пообещал подумать. Но Калюжный не успокоился и явно готовился представить свои аргументы по третьему кругу. Его нужно было отвлечь.

Редактор огляделся. Через стол от них чинно трапезничал Грумник, на этот раз в одиночестве, без учениц. Это не мешало ему довольно шурииться и аккуратно поглощать маленькими порциями приготовленную на пару рыбу. Правильное питание стояло у Грумника на втором месте сразу после феминизма.

– Вот, кстати, кто вам нужен, – вклинился Разуто в короткую паузу из монолога Бария.

– Кто? – сбился Калюжный.

– Вот, видишь, через стол от нас? С рыбкой. Это Грумник. Бог, – очень серьёзно кивнул Карл. – Ну, Тори в курсе, – снова апеллировал он к Грабову. – Лучше его ваши инициативы никто не представит. Тори, познакомь их. Если Грумник возьмётся, то за сетевое продвижение твой фонд может быть спокоен.

И, сославшись на другую встречу, редактор встал, пожелал Калюжному успехов и отправился в большой зал.

* * *

В большом веселье шло полным ходом. Площадка перед сценой была заполнена и колыхалась под песни Дарвика, освещаемая переливами медиастен и яркими прожекторами сцены. Студенты, начавшие кутить достаточно рано, уже знакомым текстам подвывали. Средний возраст пока переваривал переход из рабочего агрегатного состояния в режим покорения вершин, но уже подёргивался в такт. Скованные опытом прожитых лет толпились в сторонке, вдалеке от динамиков, и рассматривали масляными глазами дородность женщин эпохи изобилия, отводя глаза от молодёжного гротеска – смысл пляться на недостижимое? Опыт сужал диапазон возможных неудач.

Редактор остановился рядом с «опытными», здесь не расплескать коктейль было значительно проще.

– Дарвик в ударе, – ввели его в курс происходящего периферийные ценители.

– Про судороги уже исполнял? – уточнил Разуто.

– Нет, но «Печаль» и «Я обращаю» уже были. Подпевают.

– Судороги вообще примут на ура! – замечтался один из дедуль, провожая взглядом двух женщин, направляющихся в сторону сцены.

– Ждём, – закивали остальные завсегдатаи. Они знали: «Судороги» заставляли подпрыгивать даже случайно заглянувших в клуб. А сегодня пятница, и пенсионеры надеялись на абсолютно безумное колыхание их средневозрастных тщетных надежд, затянутых в искусственный шёлк.

Вот только Дарвик не оправдал ожиданий. Закончив «Дни суровой ночи», он смахнул пот с лица и кивнул бас-гитаристу. Тот подпрыгнул, тряхнул головой и начал выводить ритмичную руладу, пока без поддержки остальных музыкантов. В такт пританцовывая, гитарист вывел мелодию на максимальную высоту и резко оборвал, организовав захватывающую паузу.

– Эй вы, там, в углу! – вклинился в паузу Дарвик. – Вам, старички, посвящается.

Пока музыканты организовывали музыкальную подоснову посвящения, а Дарвик, резко подцепив микрофон, встраивался в ритм, весь зал обернулся и внимательно осмотрел «посвящаемый» угол. Старички зарделись. Разуто усмехнулся и отсалютовал своим бокалом в такт вступлению. И Дарвик запел.

*Когда старый друг вдруг действительно стар,
Когда – и внезапно – все звёзды тусклы,
Когда нет терпенья дослушать себя,
Не каждый пройдёт испытанье тоски.*

*Надежды – в утиль, одиночеству в плен,
В оценках лютует максимализм.
Все краски потухли, на радуге тлен...
Ну что, дряхлый пень, где же твой оптимизм?*

Припев не подкачал:

*Где грани познания, где опыт нам на?
Где мудрость твоя, седины апокриф?
Забудь, престарелый, твоя седина —*

Бессилия гриф, древний выцветший миф!

Песня у Дарвика получилась очень динамичной. Студенты, ловившие, по обыкновению, лишь ритм, не вдумываясь, подхватили уже на втором припеве и «гриф», и «выцветший миф», согласно подпрыгивая и утвердительно кивая головами. На третьем куплете танцевал весь зал.

*Неужных дней опыт не нужен, пойми.
Не можешь смириться – ползи отдохни.
Беззубую челюсть на полку сложи.
Своё откусал, что осталось – лижи.*

*И долгий твой век – лишь прогресса каприз.
Найди себе ямку – и вниз, вниз, вниз, вниз.
И пусть не узнаем мы тайн бытия
И где твое «где». Нам оно на...*

Последнее слово зал угадал и выдохнул за исполнителя. Припев встречали овацией и поголовными скачками.

Редактор оглядел своё окружение.

– Это же... Эйджизм! – прошипел рядом стоящий дедуля. – Публичный! Куда смотрит Тори?!

Глаза его слезились от обиды. Его негодование разделял солидный дородный мужчина, пообещавший разгромить дискриминантов в сети. ещё несколько сконфуженно улыбались. А остальные... Остальным было всё равно. Лишь бы тётки прыгали.

– И это правильно, – оценил Разуто реакцию большинства.

– Таких необходимо обличать! Циничность какая! – ещё сильнее забухтел общественник, приняв вывод Карла за поддержку его инициативы.

– Только будьте предельно точны в формулировках, – строго кивнул Разуто. – И не упустите, что ритм сочинения также является дискриминацией.

– То есть? – озаботился неравнодушный мужчина.

– Да по тому же возрастному признаку. Мы же не можем так энергично танцевать.

Общественник, обманутый серьёзностью Разуто, слегка потерянно кивнул и отвернулся.

– Я с вами согласен, – печально произнесли за спиной шеф-редактора. – Нам пляски противопоказаны.

Разуто обернулся. Старенький преподаватель экономики в местном колледже, посещавший «Глянец» из-за неувядающего азарта к карточным играм, смущённо улыбался Карлу, смотря на него снизу вверх.

– Профессор Занзимир! – обрадовался редактор. – Вы сегодня в плюсе?

– Увы, господин Разуто, – мило развел сухонькими ручками собеседник. – И всё ещё не профессор, и не в плюсе. Такие вот два удара в один день.

Они перешли в малый зал, где музыка была не так оглушительна, и пристроились за маленьким столиком в углу. Редактор, невзирая на слабое сопротивление проигравшегося «профессора», заказал ему «травник-гид» – сорокоградусную смесь полезных трав. Как по Карлу, полезность эта была весьма сомнительной, но местные пенсионеры подобные сомнения считали святотатством.

Еще раз поблагодарив за угощение, Занзимир кивнул в сторону зала, где продолжала буянить пятница.

– Дарвик ухватил суть. Хотя, конечно, неожиданно.

– Вы про новый шлягер? – уточнил Разуто. – По-моему, он пел исключительно для дяди.

– Это неважно. Я давно это понял. Хотя был уверен, что хотя бы мое преподавание не потеряет актуальности.

– Так вроде и не теряет.

– Нет, что вы. Это инерция, всё классическое образование – это инерция. И они бы давно всё перестроили, если бы знали, как от нас избавиться. И наверное, это правильно. Хотя очень обидно.

Занзимир сделал маленький глоток, благодарно кивнул Карлу и смущённо улыбнулся.

– Они? – переспросил Разуто.

– Да, они. Учить их должны они сами, просто лучшие из них. Гибкие, умом подвижные, не обременённые догмами прошлых веков и опытом других условий. И они это чувствуют.

– Вы про кого, Занзимир? Про раньше всех пьяных студентов? Про тех, кто обучение считает самой большой проблемой своего возраста?

– Это потому, что учим их мы. Такие, как мы. А им нужно другое. Им нужно научиться выживать завтра, и не вчерашними примерами. Время ускорилося, и знания очень быстро теряют актуальность. Я это понял, но, вы знаете, тянет к молодёжи. И хочется выделиться среди них чем-то, знаете, таким мудрым, взвешенным, с высоты знаний, подкреплённых опытом. А не получается. И мало того, понимаю, что не получится. Потому что нас разделяет главное. Я вижу силу их убеждений. Веру в то, что вот это белое, это другое, это хорошо, это правильно... А у меня таких убеждений нет. Уже нет. И были ли когда-то, я уже не помню...

– Все серенькое, Занзимир? Все склизкое?

– Все кривда, Карл. Оценки потеряли опору.

– А вы молодцом, стабильны, – похвалил собеседника Разуто. – Начали за упокой, им и закончили. Может, вам уменьшать ставки? В «Пороке», вы наверняка смотрели, советуют оставаться пусть не при деньгах, так хотя бы при эмоциях. Или у вас размер на настроение не влияет?

– Дело не в проигрышах, – улыбнулся Занзимир. – Вы знаете, я отвратительный игрок и не надеюсь преуспеть. То есть раньше меня ещё терзали надежды, я искал свою игру, ту, в которой я могу хотя бы сохранить свою ставку. А потом мне выдалось управлять одними курсами, и мне открыли глаза. Невозможно играть на страхе потерь. И вообще на страхе. Страх всё портит, всё... Но избавиться от него... Поэтому я смирился и оцениваю игру как интересное времяпровождение. Иногда это стоит даже крупного проигрыша.

– То есть вы платите за общение? Этаким Бланк Шифт из «Теней прошлого господина дьявола»?

– Можно сказать и так. Если не играю с Вальзоватом, конечно.

– Да, платить за общение с Вальзоватом – кощунство, – рассмеялся Разуто. – Истинные ценности должны оставаться бесплатными.

– Ценности... Да-а... Извините, Карл, скажите, пожалуйста, – Занзимир замялся. – Вы... Вы в последнее время ничего странного не замечаете?

– Два – ноль, – не раздумывая ответил редактор.

– То есть, извините?

– Второй вопрос за день и ни одного наблюдения странного. И это, конечно, странно.

Карл покрутил бокалом, рассматривая собеседника. Занзимир был ему в принципе симпатичен, и поэтому Разуто продолжил диалог.

– Я, наверное... – начал Занзимир.

– Не сумели сформулировать, но переформулировать не будем. И что же вас... хм... удивило в это самое последнее время?

– Удивило? – переспросил Занзимир. – Скорее обескуражило. Поведение близких, Карл, поведение самых близких... Просто я не одинок в своём недоумении, многие рассказывали, и я подумал, что, возможно, вас тоже коснулось...

– Не коснулось. Возможно, оттого что у меня нет близких. И что с ними? Отбирают жилплощадь, напевая песенку Дарвика?

– Нет, мои хорошо устроены. Для них экономика не наука, это я застрял в определениях.

– Да, я слышал, что деньги приносит только нарушение правил.

– Приносит – да, но сохранение возможно, только если им следовать. Но дело не в деньгах.

– Надо же. Любопытно.

– Да, наверное. Понимаете, как бы это... Понимаете, Карл, до последнего времени я всегда мог предсказать реакцию близких на то или другое событие. На своё мнение, свои слова и поступки... Ведь если разобраться, все наши слова и поступки зависят от знания реакции окружения, не так ли?

– Ну так ли, – пожал плечами Карл. – Иначе кто бы нам объяснил, что такое хорошо, а иное плохо.

– Вот именно! – закивал Занзимир. – И невозможность предсказать реакцию убирает основу оценки собственных действий. И это обескураживает.

– А конкретней, профессор? Что именно вас... хм... обескуражило?

– Понимаете, у нас традиция. Уже много лет по субботам мы собираемся на субботний семейный завтрак. У меня брат и сестра, младше меня, трое детей, внуки, дети и внуки брата и сестры... Это было как подведение итогов, своеобразный метроном, отсчитывающий короткие этапы жизни семьи. И всем был дорог этот момент, мы чувствовали, как бы это... что не одиноки в этом мире, что есть близкие, и опора в них не зависит от внешних передряг. Да, было всякое – и ссоры, и недопонимание, и не всегда этот завтрак проходил весело и счастливо. Но это у всех случается, в целом это было очень здорово. До последнего времени.

– Занзимир, у вас очень длинное вступление. Я понял: большая семья, крепкий тыл и в промежутках вы оплачиваете общение за игрой на втором этаже.

– Я живу один, все выросли и справляются...

– Да, обычное дело. Так что про субботу? Родня тоже втянула вас в игру?

– Нет, – вздохнул Занзимир. – Сначала... Сначала они перестали слушать мои советы. А ведь многим помог своими знаниями основ экономики, поверьте. И не только этим. Потом любое мое слово стало вызывать раздражение или насмешку. С братом происходит то же самое. Мы думали, у всех неприятности, так совпало, и они переносят своё настроение на близких. Но все хвастаются успехами и в начале завтрака выглядят довольными. А потом начинают ругаться. Вы не представляете, Карл, вспоминают то, что нас объединяло, то добро и взаимопомощь, которую они оказывали друг другу, и укоряют за неё, полностью переворачивая её смысл и последствия. Завтрак превратился в сущий кошмар!

– И вы продолжаете на него ходить? Платите лучше Вальзовату.

– В последнее время все собираются у меня...

Нет, Занзимир не всхлипнул, но Карлу показалось, что ему этого очень хотелось.

– Приходят по традиции в час и уже через полчаса начинают скандалить.

– И не расходятся?

– Только после десерта... Как и раньше.

– Класс. Это напоминает «Письма, которые не мы сочинили», финальный сезон сейчас в трансляции на «Дабл-Ю-Ди-Ви». Там тоже все старые заслуги оцениваются заново. Похоже где-то всплыло завещание, о котором вы забыли сообщить. И дело все-таки в деньгах.

– Карл, дело не в деньгах, совсем не в деньгах! – пылко залепетал Занзимир, утирая сухие глаза. – В прошлую субботу внучатый племянник подставил мне подножку! Я обеспечил ему поступление и всегда втайне от брата снабжал средствами. Он называл меня «милейшим икс-юродным дедом»! И специально подставил подножку. Я сильно упал, уронил этажерку. Потянул ногу и отбил бок. Так вот, Карл. Все засмеялись. Все, Карл! И никто мне не помог...

– Да-а... – протянул Карл. – Интересные у вас субботники. Смотрите, так и до поножовщины дойдет. Пойдите, Занзимир. А на видео снимали?

– Что, простите? – отвлекся от скорби Занзимир.

– Ну, ваше падение эти милые домочадцы фотографировали? Племянник коммуникатор в руках не держал?

– Не-ет... – задумчиво вспоминал «профессор». – Пальцем показывали...

– Жаль.

– Почему? – потерялся рассказчик.

– Не укладывается в теорию преподобного Клавдия, – объяснил Карл. – Съёмкой удивительного у нас занимается церковь, ищет в этом скрытые смыслы и предтечи апокалипсиса.

– Я не понимаю... – пролепетал Занзимир. – При чём здесь церковь?

– Как всегда, ни при чём. Идите в полицию.

– Зачем, Карл? Это моя семья! И они считают ненормальным именно меня.

Договорить им не дали.

– Вот он где! – раздалось от барной стойки. – Карл!

– Да кашу мне в рацион, – расстроился Разуто.

– А мы тебя обыскались!

Под словом «мы» Калюжный против обыкновения и статуса обзывал не только себя, а ещё слегка придушенного у себя под мышкой Грумника. Грумник вытягивал из-под мышки фон Бария шею и натянуто улыбался.

– Слушай, ну, спасибо, ну, то что нужно! Какие таланты у вас здесь пропадают! Нет, ну такой уровень контента на коленке мастрячит!

Калюжный сиял и только что не пританцовывал от распиравшей его радости. Грумник семенил в такт.

– Знал, что тебе понравится, – вздохнул Разуто. – Знакомьтесь, Занзимир, господин Калюжный. Где-то в чём-то «фон». Грумника вы знаете. Барий, это местный экономист Занзимир Прогалич, оплот классического образования.

– Ну что вы, Карл, – подхватился смущённый Занзимир. – Очень приятно.

– Да, классика налицо, – оглядел старенького преподавателя Калюжный.

– Барий, повежливей, – попросил Разуто.

– Ну а что, одной экономикой сыт не будешь. За какую школу ратуешь, болезный?

– Я приверженец...

– Вот и правильно, – закивал Барий. – По костюмчику вижу, она тебя не подвела. Видишь, Грумник? – он обратил взор под мышку. – Теория никого до добра не доводит.

– Ж-женщина... – пискнул из-под мышки Грумник.

– Начинается на букву «ж», – перебил нетерпеливый Барий. – И заканчивается на неё же. Карл, ты слышал его рассуждения? Про венец и предназначение?

– Слышал.

– Великолепно! Парень гений, но застрял в теории. Вот примерно как ты, как тебя... Экономист! Так, что мы тут употребляем? Нет, этого нам не нужно. А ну-ка стой!

– Занзимир, не обращайтесь внимания, – повернулся к преподавателю Карл. – Барий у нас из столицы, со слегка атрофированной вежливостью.

Барий тем временем поймал пробежавшего мимо официанта и заказал ему чуть ли не четверть бара. После чего усадил на место попытавшегося откланяться Занзимира и, не выпуская из объятий полузадушенного Грумника, продолжил:

– Я вот что тут Грумнику объясняю. Экономист, слышишь хорошо?

Не ожидавший обращения Занзимир испуганно кивнул.

– Во-от, поддержишь меня. Я ему, – Барий сильнее «обнял» Грумника, – толкую, что не туда он энергию тратит! За женщин права качать уже давно лишнее, тут впору уже сни-

жать им самооценку! Но аккуратно, на этом погореть в секунду можно! Вот где задача, вот где страсть. Ведь чего придумали: потрогать её – согласуй, посмотреть ни-ни, взгляд в пол, чтоб не смутить, а уж достанешь, ну понятно что, так у неё шок до онемения – ты её чувство прекрасного разрушил. И как здесь размножаться, а? Ведь они что сломали этими своими закидонами?! Демографию сломали! А это сложнейшая штука, чтоб вы себе представляли, её одними инстинктами починить невозможно!

И Барий пустился в рассуждения, в которых смешивал в одну кучу мужчин, женщин и энергетику, количество потраченных на половое влечение джоулей и выделение при этом тепла, связывая всё это с количеством разнополых особей при изменении климата. Грумник и Занзимир рты раскрыли, но перестали понимать уже после затраченных на размножение калорий. Разуто не слушал с самого начала.

– И здесь, в провинции, ещё сохранилась эта пропорция, в чем-то магическое семь к десяти, а лучше к двенадцати. В столице же всё, – Барий активно жестикулировал, – всё, схлопнулась симметрия. Вот за что нужно пластаться! Уловил?

Он наклонился к Грумнику. Грумник судорожно кивнул.

Удовлетворившись согласием, Барий повернулся к редактору:

– А старичок совсем глухой, что ли?

– Я слышу, – обижено прошептал Занзимир.

– Что-то, Карл, с ним не так, – не обратил внимания Барий. – Глазки какие-то странные, тревожные, дышит через раз. Он нам тут коньки не отбросит?

– Я здоров! – пискнул Занзимир посильнее.

– Барий, брось, – поморщился Разуто.

– А то, по мне, так это лишнее, – нахмурился Калюжный. – Давай ему скорую вызовем. У вас психиатрическая есть? А то укусит кого.

– Я нормальный! – подхватился и завопил интеллигентный Занзимир.

– О, смотри, буйнить начал, – кивнул в его сторону Калюжный. – Ну ничего, ты отодвинься, как ползет, я его графином успокою.

– Вы! Сам! Такая! – топнул ножкой побагровевший Прогалич и сердито заковылял прочь.

– Ужас, – качая головой, смотрел ему вслед Барий. – И это преподаватель! Теряем молодёжь.

– Ну и зачем ты это устроил? – поинтересовался Разуто, недовольно оглядывая Калюжного.

– Я? Карл, о чём ты? Дед за малым нас не порешил! Слушай, нужно Тори предупредить.

– Барий, шутка не смешная.

– Да какие шутки?! У меня вон до сих пор руки трясутся! Грумник, скажи!

– Занзимир всегда был странным... – закивал Грумник.

– Вот! – показал на Грумника Барий. – А ты говоришь – шутки! Хорошо, психушку не вызываем, но я тебя предупредил. Как ты не видишь-то?!

Карл посмотрел в чистосердечно выпученные глазки Калюжного, покачал головой и, не прощаясь, пошел за Занзимиром.

Прогалича он не нашёл. Правда, особо и не искал. Перекинувшись несколькими фразами со знакомыми, Разуто решил, что на сегодня общения достаточно и, расплатившись, направился к выходу.

* * *

Освещённые улицы были пустынные. Было прохладно, часы показали около нуля и порекомендовали вызвать такси – получасовую прогулку при такой погоде они посчитали нецелесообразной.

– То гуляй, то не гуляй, – недовольно ответил часам Разуто. – Ещё на такси твой процессор возить не хватало.

Он поднял воротник и пошел в сторону набережной, вызывая активность информационных табло, освещавших его путь рекламными призывами. При появлении рекламы часто приобретаемой редактором продукции часы вибрировали, требуя обратить внимание на выгодные предложения. Когда-то редактор хотел отключить эту функцию, но каждый раз, когда он собирался это сделать, попадались действительно хорошие варианты, и Разуто передумывал. Сейчас он уже привычно реагировал на вибрацию и переводил взгляд на информационные табло, рассматривая, что же могло его так заинтересовать.

Реагируя на очередной сигнал, редактор заметил две фигуры, стоявшие в тени колонны вычурного подъезда старого здания мэрии. Фасад здания переливался предложением мгновенных транзакций с приложением «Факт-связь». Яркая реклама достоинств системы осветила фигуры – двое молодых мужчин застыли в позах тяжёлых раздумий, опустив головы и не шевелясь. Они напоминали две статуи, случайно забытые при переезде.

Редактор поёжился – пожалуй, часы были правы, нужно было заказать такси. Зябко-то как. Редактор прибавил шагу. Когда он поравнялся с подъездом, один из стоявших медленно поднял голову и посмотрел на редактора. Рот у него был заклеен.

Разуто встретился с молодым человеком взглядом. Вроде не тот. Хотя как узнать, когда половина лица скрыта под скотчем. Единственное, у парней в клубе рот был заклеен крест-накрест, а у этого широкой полоской от уха до уха.

– И уже непохожи, – пробормотал редактор. Он кивнул молодому человеку и продолжил движение. Сзади раздались неторопливые шаги.

Почему-то захотелось пробежаться. Похоже, часы ошиблись – температура была явно ниже нуля. Редактор сдержал внезапный порыв и, опустив голову, замедлился. Тень от головы преследователя медленно приближалась к его ногам. Разуто обернулся. Молодой человек понуро шел за ним. Второй остался стоять возле колонны и даже позы не изменил. Казалось, он не заметил исчезновения своего приятеля.

Редактор сделал ещё несколько шагов, остановился и повернулся к преследователю.

– Чем-то помочь? – спросил он, стараясь, чтобы зубы не сильно стучали от холода.

Молодой человек равнодушно смотрел на него и продолжал идти. Приблизившись практически вплотную, он остановился и не мигая уставился на редактора.

– Привет, – сделал редактор шаг назад. – Если помощь нужна – кивни. Если не нужна... тоже кивни.

Молодой человек на предложение не отреагировал и продолжал пялиться, впрочем, без всяких эмоций. Ни угрозы, ни приветливости в его взгляде не читалось. Казалось, достаточно его развернуть, и он с таким же усердием будет рассматривать что-нибудь ещё, вплоть до пустого места.

– Хорошо, – сказал редактор. – Но если передумаешь – ты не стесняйся, кивай. Я услышу.

Он повернулся и пошёл в сторону моста. Молодой человек тут же тронулся и потащился следом.

Честно говоря, ощущать присутствие незнакомца за спиной было не очень комфортно. И редактор старался, чтобы его сопровождающий находился в зоне видимости. Поэтому он подстраивался под шаг и, если не получалось, следил за тенью, судорожно решая, что делать, если тень начнёт дергаться. При этом он вспоминал, где ближайший полицейский участок – не домой же его вести. Снова завибрировали часы, и редактор облегчённо вздохнул – на мосту показалось такси. Он быстро поднял руку и вызвал нужное приложение.

Когда редактор сел в машину, молодой человек застыл рядом, и Разуто, казалось, затылком чувствовал его взгляд. Карл захлопнул дверь и посмотрел на незнакомца.

– Ну, – махнул он рукой, – не скучай.

Никаких эмоций в ответном взгляде так и не проявилось. Он не шелохнулся и когда такси тронулось. Затем машина повернула за угол, и молчаливый попутчик скрылся из виду.

7. Очередность поручений

Из интервью вице-полцимейстера губернского департамента полиции перед премьерой второго сезона «Икс-Д» сериала «Багровые будни» (коэффициент реальных событий – 0,24).

«Мы считаем «Икс-Д» очень полезным форматом. Вы понимаете, при поголовной, казалось бы, грамотности ведь никто ничего толком не знает. Ни прав, ни обязанностей, ни законов. И это понятно – учить всё новые постановления и директивы не хватает времени. А у каждого семья, работа, и хочется расслабиться. Поэтому это уникальная возможность узнать что-нибудь новое через развлечения. Наш сериал позволяет в привлекательной форме получить реальную, полезную, а главное, необходимую информацию. И это вам не фантазии гражданских с чокнутыми преступниками и инфантильными полицейскими. Это реальная жизнь. Могу точно сказать – после выхода первого сезона граждане стали намного лучше представлять работу нашего департамента: они чётко знают, как правильно себя вести в случае обращения законом уполномоченных лиц и, самое главное, что будет, если этого не сделать».

Утро субботы редактора часто было так себе, а сегодня особенно не удалось. Потому что пять сорок семь – это никак не утро субботы. Это минимум недоразумение.

– Чего? – проскрежетал Разуто в коммуникатор, разбудивший его входящим вызовом.

– Карл, ты где?

Голос Грабов был тревожным и испуганным.

– Где, где... Сплю!

– Что? Приезжай немедленно! – прибавил громкость Тори.

– Куда?

– В мой кабинет! Здесь полиция опрашивает всех общавшихся.

– По поводу?

– Общения! – ещё на октаву повысил голос Грабов. – Он пропал!

– Тори, не ори! Кто пропал?

– Прогалич! Преподаватель из индустриального!

– Так, может, он домой ушёл! С чего сыр-бор то?

– Карл, его здесь видели связанным и с кляпом! – зашептал в трубку Грабов. – И в крови!

Я вообще ничего не понимаю! У них вызов – убийство! Они приехали искать труп, а ни трупа, ни Прогалича! Меня уже час мурыжат и требуют всех, кто с ним разговаривал!

– Чёрт!..

Разуто осмотрелся. Он в кровати, голова не болит, но... Вот насколько ему симпатичен Прогалич и его судьба в пять сорок семь субботы?

– Пусть родню опрашивают. Я здесь при чём?

– Карл, тут серьёзно! Сейчас, подожди...

И Тори отключился.

– Вот неврастеник, – вздохнул редактор. Он покрутил коммуникатор в руке, раздумывая, может ли содержание разговора с Занзимиром помочь в его поисках. Экран осветился новым вызовом.

– Карл, – возвестил Грабов, – к тебе поехали! А здесь кошмар!

В ту же секунду медиаугол ожил и показал крыльцо. На крыльце в отблесках спец-сигналов припаркованного мобиля топталась пара в гражданском и местный полицейский. Разуто нажал «отбой», обрывая вопли Тори, и, сев на кровати, принялся искать тапочки.

– Закон привлечения свидетеля, – хмуро констатировал он, закутываясь в халат. – Никогда б не проголосовал.

Штатские были серьёзны, полицейский потерянно улыбался.

– Тебя знаю, – обратился к нему Разуто. – Кого привёз?

– Наши полномочия на вашем официальном устройстве, – кивнул на засветившийся коммуникатор в руке Карла пожилой штатский. – Господин Разуто, мы, инспектор Кворч и младший инспектор Бланик, в рамках расследования сигнала номер тридцать семь тринадцать имеем необходимость задать вам несколько вопросов. Полномочия переданы по протоколу электронной верификации, у вас есть вопросы по полномочиям?

– Заходите, – распахнул дверь Разуто. – Вы уполномочены, не поспоришь. Хотя бы до десяти утра это не могло подождать?

– Извините, – спокойно произнёс гость, взглядом отпустил местного полицейского и прошёл в гостиную. – Куда позволительно будет присесть?

Карл неторопливо разместился в кресле, запахнул халат и кивнул на диван напротив.

– Устраивайтесь, господа. Чай, кофе?

– Спасибо, не нужно, – ответил за всех пожилой и кивнул молодому напарнику.

– Господин Разуто...

Ни разу не сбившись, младший инспектор Бланик задекларировал цель визита, указал на необходимость аудиофиксации и возможные аспекты использования записи, а также прочие формальности опроса по сигналу тридцать семь тринадцать.

Закончив с формальностями, инспектор приступил к сути.

– Господин Разуто, расскажите о вашей встрече с господином Прогаличем.

– Встретились в клубе, несколько минут поболтали. Затем... затем я ушёл.

– О чём вы беседовали?

– Послушайте.

Разуто взял паузу. Посетители слушали.

– Какого чёрта происходит? – продолжил Карл, посчитав, что пауза достаточна и посетители внимательны. – Вам что-то сообщили, и вы целым отделением являетесь ко мне ни свет ни заря узнать содержание беседы? Он не сообщал мне, что собирается исчезнуть.

Молодой Бланик посмотрел на пожилого Кворча. Тот еле заметно покачал головой.

– Господин Разуто, в настоящий момент мы не можем вам сообщить ничего дополнительного. Я прошу вас уточнить, во сколько точно состоялась ваша беседа и когда и где вы видели господина Прогалича в последний раз.

Карл честно постарался вспомнить временной промежуток беседы, ведь ответ «между третьим и четвертым коктейлем» собеседников вряд ли бы устроил. Приблизительно ему это удалось.

Молодой инспектор въедливо уточнил ещё несколько деталей и свернул опрос, произнеся все необходимые мантры. После этого Бланик встал и направился к выходу. Кворч остался сидеть.

– Вы насчет кофе не передумали? Я бы выпил чашечку.

– Не передумал, – пожал плечами Разуто, отправляя команду на кофеварку.

Закрыв за Блаником дверь, Карл принес две чашки кофе и плеснул в свою добрую порцию мускатного ликёра.

– Будете? – кивнул он на бутылку.

– Не откажусь, – потянулся к бутылке Кворч. – Утро очень промозглое.

– И до ужаса раннее, – пробурчал Разуто и сделал глоток. «Кофе» удался на славу.

– Так что вы хотели узнать в неформальной обстановке, инспектор?

– Меня зовут Мирор.

– То есть ещё недостаточно неформально? Хорошо, – Разуто показал на себя чашкой, – Карл.

– Вы шеф-редактор местного «Фёрст Паблик»?

– Не по субботам. А так да, случается.

– Я слышал, наше начальство добивается включения в губернский сериал, который снимает студия «Иллюзион-тракт». Это, конечно, не «Фёрст Паблик», но для городского управления уже достижение.

– Поздравляю.

Редактор вспомнил ролик с неудачным прыжком, но решил не комментировать попытки местной полиции попасть в губернский сериал. Он не любил попусту демонстрировать свою осведомлённость официальным лицам.

– Если постараться, то и из патрулирования может получиться отличный триллер.

– Вы правы, с фактурой у нас было так себе, – улыбнулся Кворч. – До последнего времени.

– И что же у нас в последнее время стало достойно экранизации?

– Да вот хотя бы вызов тридцать семь тринадцать. Непонятное исчезновение в единственном клубе, где отсутствует видеонаблюдение. Я, кстати, так и не понял, почему его там нет.

– «Территория индивидуальности», – усмехнулся Карл.

– То есть? Это же снижает безопасность.

– Смотря что под нею понимать. Владелец играет в консерватора и обеспечивает приватность перекошенным коктейлями лицам посетителей. Снимать на коммуникаторы, кстати, тоже нельзя. Но, введя такое сложное правило, он взял в охранники Буцефала и лезет на стену от количества контента с тегом «закрытый глянец».

– Есть отчего расстраиваться?

– Нудятина. Но люди реагируют на «закрытый» и всё пытаются там хоть что-нибудь рассмотреть.

– Да, клуб очень популярный. И очень дорогой, – с сожалением вздохнул инспектор.

– Плата за риск, наверное.

– Может быть, – кивнул Мирор. – Но исходя из ситуации мы вынуждены опрашивать всех свидетелей и проводить целый комплекс специальных мероприятий.

– Мирор, у меня тоже нет видеонаблюдения. Вернёмся к сигналу. Чем он вас так возбудил?

Кворч внимательно посмотрел на Разуто, кивнул и налил себе ещё ликера.

– Он очень похож на предыдущие, и сейчас мы просто пытаемся работать на опережение. Подобные случаи на этой неделе уже заканчивались печально.

– Вы о чём? Что произошло?

– Я не могу точно объяснить. Это напоминает внезапное безумие, Карл, другие определения пока не приходят в голову. Но это уже три случая в области и один здесь, в северном районе.

– И в чём оно проявляется, это безумие?

– Симптомы пока точно не установлены. Очевидцы сообщают о странном поведении, нелогичной реакции на простые ситуации, неадекватности. То есть чётких симптомов нет. Привлечены специалисты-медики, но у них недостаточное количество информации. А в результате в области четыре трупа, а у нас двое пропавших.

– Стоп, стоп, а почему этого не было в новостях? У нас здесь, извините, не мегаполис, чтобы это прошло незамеченным.

– Всё проходит в рамках бытовых происшествий, мало похожих друг на друга. К тому же мы очень стараемся не афишировать происходящее.

– И для этого заключаете контракт с «Иллюзион-трактом»?

– Парадокс, – улынулся Мирор. – Я тоже слабо представляю, как это можно совмещать. Надеюсь, начальство и «Иллюзион» в курсе. Но это проблема завтрашнего дня. А сейчас нам необходима помощь со стороны медиакорпораций. И официально это очень длинный путь.

– Ну допустим... – кивнул Разуто и плеснул в чашку ещё ликера. – И для этого вы организовали этот кофе-брейк? В шесть утра субботы?

– Не только. Нам ещё очень важна любая информация по Прогаличу.

– Его действительно связали?

– Некоторые видели его связанным. Есть плохого качества фотография, отправленная на наш сервер. На месте инцидента мы нашли пятна, похожие на кровь. Экспресс-анализ это подтвердил. Данных из лаборатории ещё нет.

– Какой-то бред... Может, студенты начудили?

– Может быть. Но все, кто с ним общался, отметили нервозность и... Карл, вы с ним долго беседовали. Он не показался вам... странным?

– Ну вот, опять и снова. Занзимир как раз считал, что это мир стал странным. Мирор, он показался мне полностью адекватным. У него какие-то непонятные проблемы в семье, потеря взаимопонимания или что-то в этом роде. И племянник-ушлёпок. Проверьте семью, чего-то они от него хотели. Таскались к нему по субботам, устраивали дебош. Может, не просто так. В остальном обычная беседа о том, что раньше груши были слаще.

– Странно, – покачал головой Кворч. – Вы единственный характеризуете его как адекватного. Остальные толком объяснить не могут, но каждый заметил что-нибудь необычное. С семьей работают. Они в шоке, но готовы оказать максимальное содействие.

– И тоже называют его неадекватным?

– Да нет. Скорее милым и очень забавным.

– Ещё бы, он рассказывал, как им бывает весело. Забавный, надо же! Мирор, рекомендую – потрясите хорошенько этих упырей. И начните с племянника. Это единственный совет, которой можно сделать на основе моей с ним беседы.

– Хорошо, Карл, попробуем. Теперь о нашей просьбе.

– Мирор, давайте не будем путать мой совет с просьбой даже в неофициальной обстановке, – усмехнулся Разуто. – Вам по-прежнему что-то от меня нужно, но только вам.

– Да, Карл, вы правы, всё именно так. Нам необходим доступ к контенту, который вы приобретаете. Не ко всему, – поднял руку Кворч, предвидя возражения Разуто. – Мы вместе определим теги и уровень доступа. Естественно, никакого копирования или распространения информации с нашей стороны. Нам достаточно вашего анализа и необходимы лишь координаты отправителя или хоть какие-то зацепки по месту действия происходящего. Чтобы успеть среагировать. В дальнейшем будет официальный запрос и всё, что полагается в таких случаях. То есть, по существу, мы просим скидку по времени.

– Да-а, – протянул Разуто.

В принципе инспектор Кворч прав – согласование такой процедуры накоротке невозможно. Медиакорпорации крепко держали всё, что попало к ним в руки, и местной полиции, конечно...

– Мирор, а вы действительно полицейский?

Мирор спокойно отставил кружку и достал коммуникатор. Нажав на экран несколько раз, он кивнул на коммуникатор Карла.

– Ясно, – посмотрел на экран Разуто. – Так с чего это безопасность занимается сельским бизнесом?

– Потому что не понимаем, Карл. Потому что пока просто не понимаем. Это всё, что я могу сообщить.

– Что ж, я подумаю, как вам можно помочь. Конечно, в рамках своих полномочий. Роз, пожалуй, сможет организовать эту «неформальность» с целыми овцами.

– Мы не волки, Карл.

– А я и не про вас, – отмахнулся Разуто. – Так какого плана контент вас интересует?

– Ну, скажем так, всё, что вызывает удивление. Алогичные ситуации, не имеющие внятного объяснения.

– Мог бы и догадаться, – вздохнул шеф-редактор.

Согласовав контакты, он твердо передвинул все дальнейшие переговоры на понедельник и попрощался с «инспектором».

* * *

– Ну ничего себе, – вернулся в кресло Разуто. – Безопасность.

Он задумчиво покрутил чашкой с «кофе». Чем же таким мог заинтересовать Прогалич национальную безопасность? Милейший Занзимир был фигурой одного аккаунта со стандартным набором пожилого человека – одиночеством и тягой к общению. И зачем кому-то такое воровать? Но украли.

Какие здесь могут быть варианты? Из доступных только один: дедушка проигрался. По крупному. Вот только кому? «Глянец» посещало много местных жуликов, но в серьёзную игру его бы просто не взяли. Да и долги сейчас получают по-другому, по слегка видоизменённым «милосердным» методикам циничных коллекторов. Даже ушлый Вазольват продержался меньше месяца и ещё полгода обходил «Глянец» по большой дуге.

Так что при любом проигрыше Занзимиру стало бы не до семейных неурядиц. А они волновали его больше всего. И очень маловероятно, что эти семейные заморочки заинтересовали национальную безопасность.

Карл покрутил коммуникатор с электронной меткой НСБ. Контент им понадобился, как же. Для полиции это, может быть, и проблема, но эти наверняка имеют доступ к любой картинке уже на уровне провайдеров. Нет, чего бы там ни случилось с Прогаличем, но от этой конторы нужно держаться подальше. У редактора давно атрофировалась тяга к общению, а с подобными организациями особенно. Они в принципе не способны украсить досуг.

«Смотри-ка, а Клавдий не одинок, – отложил коммуникатор Разуто, – этих тоже заинтересовало оцифрованное удивительное. Что же их всех так возбудило?»

Он включил медиа-стену и вошел в служебный аккаунт. У редактора был свой метод оценки событий, и он никогда ещё не подводил.

Итак, дельта трафика филиала: входящий незыблем, исходящий – рост на два процента. Мелочь. Интерес к местным новостям немного подрос, но «Происшествия» покинули топ. Ротация контента: живность, секс, политика. Всё как всегда.

– Узнаю родные координаты, – закрыл программу Разуто. – Удивлению неподвластны.

8. Сбой основы

Из новостной ленты местного портала «Город и общество»:

«По сообщению пресс-службы банка «Лепрекон-брокер», все операции местного филиала проходили в строгом соответствии с рекомендациями системы «Анализ-Прогноз», сертифицированной Ассоциацией кредитно-расчётных алгоритмов, а также в рамках действующего законодательства и требований Комиссии по обеспечению легитимности и целостности банковских вкладов. Возникшие проблемы банк объясняет расширенной настройкой горизонта планирования системы «АП» и спецификой отображения отчётности в регистрационной системе КОЛЦБВ. По утверждению пресс-службы банка, оценка системой перспектив филиала не менялась и на сегодняшний момент находится в положительном секторе. Специалисты надзорных органов начали проверку».

Из комментариев:

«А деньги-то где?!»

«Не тупи, чудила, сказали же – за горизонтом».

Правильно нейтрализованный кофе вполне позволяет подремать после его утреннего употребления. Редактор убедился в этом уже через полчаса после ухода «инспектора» – закрыв служебный аккаунт, он решил посмотреть что-нибудь, поудобней устроился в кресле и очнулся только часам к десяти, оттого что у него затекла шея. В остальном самочувствие было вполне себе ничего – лёгкая разбитость не в счёт, к этому состоянию Разуто уже давно привык. Да и лечится этот недуг легче лёгкого – или получасовой гимнастикой, или полным его игнорированием. Часы порекомендовали первый вариант, Разуто выбрал второй.

Он заварил себе кофе и вернулся в кресло. Открыл хьюмидор, выбрав тонкую «Кросс-дукат» и включил личные аккаунты. Количество засветившихся первыми уведомлений было отнюдь не субботним.

– Э-э, да я популярный, – протянул редактор, вдыхая аромат утреннего напитка.

Информация о поступивших сообщениях и пропущенных вызовах как будто возвращала его в понедельник, лет двадцать назад. И за что боролись? Разуто смахнул уведомления с экрана и вывел в центр страницу поисковика. Трафик трафиком, но утренний визит оставлял вопросы. К тому же хотелось понять, кто и почему вчера его преследовал. И зачем вообще люди заклеивают рот.

Кстати, про молчунов нужно было уточнить у этого... как его? Они как раз в сфере его интересов – странные и не могут внятно объясниться. Утром из головы вылетело, а жаль – эти парни вполне подходят под реальное «не пойми что». Редактор вспомнил пустой взгляд ночного сопровождающего. Интересно, какой сюжет они пародируют? Так сразу и не скажешь. Ладно, сейчас выясним.

Пока он формулировал запрос, периферию стены беззвучно заполнили каналы из фаворитного списка, и новостные тут же начали привлекать к себе внимание тревожным мерцанием маркера «Срочно». Карл переместил один из них в центр и включил звук.

– ...наш корреспондент находится рядом с офисом компании, и мы передаём ему слово.

Корреспондент ждал слова, видимо, давно. Во всяком случае зачастил он очень бодро, вставляя плоды наблюдений в короткое окно информационной сетки. Из его скороговорки выходило, что он уже на посту и ничего значимого пока не произошло, но, судя по всему, вот-вот случится и он тут же снова попросит слова. Ведущая поблагодарила корреспондента за

интересные наблюдения и обратилась за их оценкой к хмурому аналитику. Карл переключил канал.

Посмотрев ещё пару репортажей с «места событий», Разуто докопался до сути тревожных сигналов. Ведущая актриса «Седьмого пришествия» не захотела продлевать контракт со студией на следующий сезон. Человечество было в шоке.

В углу стены засветился аватар Грабова. Редактор ответил на вызов.

Тори находился на перекрёстке нервного срыва и уныния. Сам он не мог определиться, какое состояние более уместно в его ситуации, и просил помощи Разуто.

– Приходи, а? Пиво свежее, – глухим голосом соблазнял он редактора.

– Может, тебе отдохнуть пару часов? – предложил Разуто.

– Я не могу! – слегка истерично взвизгнул Тори. – Полклуба перекрыто, какой уж тут отдых... – уже в прежней интонации закончил он.

Редактор прислушался к себе. Пиво. Янтарное, прохладное, с плотной пеной и лёгким брожением как показателем свежести. Неплохая мысль. Очень даже хорошая. А поиск можно поручить и профессионалам.

– Ладно, меняй бочку, скоро буду.

Редактор надиктовал запрос в службу «Аскинс» на подборку материалов по тегам «Проголич, удивительное, заклеенные рты, молчаливые незнакомцы, Тантамир». Поставив среднюю скорость и низкую стоимость выполнения запроса, он собрался и вышел из дома.

Субботнюю улицу освещало блёклое солнце. Ни ветра, ни осадков, даже тучи, плотно обложившие небо в последние дни, куда-то разбежались.

– Погода – наше всё, – постановил Разуто. – Сценаристы недооценивают мутный безоблачный день.

Наслаждаясь неяркими лучами осеннего светила, редактор совершал неторопливый променад, разглядывая скучные пейзажи и предвкушая первый глоток. Он любил это состояние «до». Приятно было греть свои желания на неторопливом огне предвкушения, не спеша возвращать чувственные атрибуты будущего удовлетворения и...

– Трям, редактор. Куда ссутулился?

Из-за угла, подсвечивая себе на пол-лица фингалом, шустро выкатился механик Лорк и тут же пристроился в такт шагов Разуто.

– Где тебя так? – склонился, разглядывая украшение, Карл.

– Производственная травма, – отмахнулся Лорк. – Утреннюю очередь в соцбюро не поделили. «Мой номер, сволочь», – говорю. А он мне без дискуссий – на! Упал. Встаю – нету. Пришлось догонять.

– Догнал?

– Ага, – удовлетворенно кивнул Лорк. – Суд, повязку им на глазки, на послезавтра назначили.

– Так сильно догнал?

– Отняли его у меня, он там с батальоном родни тусовался. Ну и хорошо, родне здоровья, – и так половина соцпакета по судебным уходит. А у тебя как дела?

– Ну, таких успехов нет.

– Да какие успехи? Совсем безработные очумели, даже по субботам в драку лезут. Вот если бы я его положил, а мне его соцпакет в наследство, то был бы успех. А так одно расстройство. О! Ты бы похлопотал там у себя! Пусть такое шоу замутят, и народу занятие, и вам прибыль. А то ходишь без дела, звёзды загораживаешь. Куда, кстати, идешь то?

– Пива захотелось.

– Меня угостишь? А то я до суда пустой.

– Так ты выигрывать собрался?

– А куда ж я денусь, говорю же – отобрали мерзавца. Ты слушаешь, нет? У меня увечье сфотографировано и зафиксировано, перед заседанием цвет в цвет подправлю. Нет у суда, справедливость им зарплатой, шансов мне отказать. Так угощаешь или и дальше будешь ерунду спрашивать?

– Пошли, – улыбнулся Карл.

– Идём уже и сворачивать не будем. Тяжёлый ты человек, редактор, по два раза повторять приходится. Но везучий, на такую должность неудачника не возьмут. Я вот...

И Лорк пустился в честные рассуждения о времени и о себе. Карл улыбался. Механик был ему симпатичен, и лишние расходы не портили настроение.

– Пиво сейчас очень в кассу, редактор, очень. Давай прибавим, плетёшься, как барсук стреноженный. Дождёмся, Грабов напиток разбавит! У него по субботам жаждущих – как в КПЗ после демонстрации. А коммерсы, налог им в дыхание, народ неконкретный, за грош людей попортят.

– Про Прогалича слышал? – перебил скороговорку механика редактор.

– И слушать не хочу. А чё с ним?

– Говорят, украли.

– Показатель, чё – совсем барахло тащить начали. Ну, плакать некогда – дедуля давно уже чужой кислород потребляет.

– Добряк. А наверху сейчас часто играют? Ставки большие?

– Я за куст-камерой не слежу, у меня денег на глупости не водится. Но есть желающие соцпакет пристроить, только с базовым и за стол не пустят. Чё, редактор, зарплата жмёт, хочешь адреналина прикупить? Не советую, в баре дешевле и надёжней.

– Ну, значит, пойдём в бар.

* * *

Коммерсант Грабов пиво испортить не успел. Большой зал был перекрыт жёлтой полицейской лентой, и Лорк, схватив пенящуюся кружку, устремился на второй этаж. Перед этим он не забыл потребовать, чтобы Бруно «не тормозил и притащил ему ещё пару таких же», так как официанты, по мнению Лорка, там черепахи беспанцирные, и...

Редактор перебил механика и уточнил у Бруно, где найти Грабова. После чего попросил принести ему туда кружку светлого.

Тори находился в своем маленьком закутке при кухне и возбуждённо мерил шагами несколько свободных от мебели метров. Похоже, из двух пограничных состояний эмоционально нестабильное ему приглянулось больше. Поприветствовав редактора словами «Накопец-то!», он принялся однообразно ругать Прогалича за то, что он, такой-сякой, весь этот бедлам устроил. Лестных эпитетов удостоились также полицейские, их родители, некоторые посетители, которым не дозволишься, и снова причина всех неприятностей – «этот старый пень Занзимир». Мнения редактора никто не спрашивал, и Разуто, удобно расположившись на диване, наслаждался пивом, даже не пытаясь прервать этот поток сознания.

– Я включаю видеофиксацию, понял? – внезапно и безапелляционно заявил Тори, затормозив напротив редактора. Выглядело это так, как будто Карл всё это время спорил и отговаривал, но Грабов принял решение наперекор всему. – Хватит, наигрались с терра инкогнита. И в клуб теперь только по приглашениям, всех сомнительных и на порог не пушу. Охрану найму!

Редактор отсалютовал этому решению кружкой, и Тори снова пустился в бега, лихорадочно потирая виски и подозрительно оглядываясь на Разуто.

– Больше ни одна сволочь не пропадет и руки распускать не посмеет! – продолжал мечтать Грабов, нарезая круги вокруг дивана. – Ни психи, ни нормальные! Солидность, респектабельность, безопасность и...

– Справедливость, – закончил перечисление достоинств проекта Разуто и снова отсалютовал кружкой.

– Точно! Сейчас же займусь! – твёрдо постановил Грабов и выскочил из комнаты.

Редактор проводил его взглядом.

– Ну что ж, помог чем смог.

Он допил кружку и вышел в большой зал, решив, что неплохо бы позавтракать и чем-то кроме пива. Сделав заказ, Разуто поднялся на второй этаж. Здесь сидело несколько компаний, между которыми бродил Лорк и, как гроссмейстер, участвовал во всех разговорах одновременно. Разуто заметил сидевшего в одиночестве Пола Грача, называемого всеми полковником, и направился к нему.

Пол Грач появился в городке года три назад, поселился где-то на севере и, так же как Разуто, сделал «Матовый глянец» местом своей частой дислокации. Они и внешне были похожи – Пол был немного повыше, обладал такими же твёрдыми чертами лица и седой шевелюрой, правда коротко подстриженной. Различия были в осанке, точности движений и выражении лица. Все эмоции Грача скрывались под невозмутимостью, и эта невозмутимость соответствовала облику надёжного хранителя государственной тайны. Снисходительная мимика физиономии Разуто была все же более эмоциональной.

Прошлое Пола было никому не известно. О себе он ничего не рассказывал, расспрашивать как-то никому не хотелось. Даже звание, на которое он откликнулся, было из разряда догадок. Точнее, не догадок, а беспардонности Лорка, давным-давно обратившегося к нему в заполненном пятницу баре:

– Слышь, военный, плац тебе периной, рядом с тобой никто не занимал? Значит, я занял. Эй, Бруно, накрути мне на три монеты и вот сюда, рядом с полковником, припаркуй. Я ща должника поймаю и вернусь.

«Полковник» крепко прилип к образу, и даже Грабов, ненавидевший клички, обращался к Полу исключительно по присвоенному ему Лорком званию. Грач не возражал.

Совместно проведенное в «Глянце» время, можно сказать, подружило Карла с Грачом. Пол, несмотря на облик немногословного тайны хранителя, оказался достаточно общительным, хоть и с лёгким налетом категоричности. Они редко совпадали в оценках, но Грач слушал не только себя, поэтому споры выходили полновесными, пусть и слегка общими, не аргументированными примерами из личного прошлого. Редактору это импонировало – он не любил вспоминать столицу и оперировать собственным опытом. Но ещё больше ему нравилось то, что полковник всегда платил за себя сам. В безденежном городке, стремившемся к красивой жизни, это было достаточно редко.

– Привет, Пол, – кивнул редактор, устраиваясь напротив. – Про Занзимира Прогалича слышал?

– Да. И не только слышал, но и рассказывал. Я вчера зашёл неудачно, как раз в предполагаемое время его исчезновения.

Редактору принесли салат и ещё одну кружку пива.

– Какая-то тёмная история с тихим Занзимиром, не находишь? – спросил редактор, сделав глоток. – Какой-то он лишний в свете софитов.

– Недостаточно фактов, чтобы делать какие-то выводы. Утверждают, что у него произошло помешательство, но кто его связывал и куда спрятал, остается невыясненным.

– Ну, значит, какое-то очень стремительное помешательство. Когда я с ним говорил, он был абсолютно нормален. А вот настоящих психов я встретил на улице.

И редактор между употреблением чудесного напитка с иронией поведал о своей прогулке под молчаливым конвоем. После чего пересказал инцидент в «Глянце» и разговор с бородатым гуру, волонтером фонда «Реальная жизнь».

– Целый час заливал мне про проседание нервных импульсов, деградацию памяти и риск утраты самоопределения. Я уже запоминать начал. И тут он давай кричать – почему вдруг меня это интересует? И агрессивно так, прям до драки дело. Здесь я догадался, что передо мной хорошо замаскированный сумасшедший. Собрался уходить, так он ко мне с предложением употребить какую-то гадость, которая быстро решит все проблемы. А его сподвижники за такое дело готовы хорошо заплатить. И не отстаёт, главное. В результате вышли на крыльцо, так там он эту гадость сам и выпил. И что ты думаешь?

Полковник ответил внимательным взглядом.

– Упал навзничь, а пока я за помощью ходил – уполз. Вот такие пошли продавцы наркотиков – не могут переварить собственный товар.

– Почему наркотиков?

– Ну а какие ещё варианты? Раньше первая порция была бесплатно, теперь с доплатой. И философскими размышлениями в качестве презентации. Кстати, и с остальным понятно – видимо, эту дрянь они в группах распространяют, вот участники и заклеивают рот, чтобы назад не полезло. Или что-то наподобие этого. Но уважаемый продавец, совершенно не таится. Видимо, в список запрещённых эта моча ещё не попала.

– Чем он тебя так испугал? – внезапно спросил полковник. Разуто перестал улыбаться. Видимо, перестарался, делая повествование весёлым.

– Не то чтобы испугал... – задумчиво протянул он. – Вчерашний попутчик был намного неприятнее. Но участвовать ещё раз в такой презентации мне бы точно не понравилось. Тем более в качестве потенциального наркомана.

– Если это наркотик, – кивнул Пол.

– Считаешь, что я выгляжу как самоубийца? – хмыкнул Разуто. – Ну так продавать яд с доплатой тоже как-то бессмысленно. И тем более для рекламы пить его самому.

– Своих координат этот волонтер не оставил? – без намёка на улыбку спросил Пол.

– Я знакомство продолжать не планировал, – покачал головой редактор. – Мне рекламы одной пробирки хватило. Попросил сотрудника узнать, куда он пополз, чтобы в оставлении без помощи не обвинили. И запрос утром разместил, но его вставил так, до кучи. Меня больше интересовало, чего ждать от заклеенных молчунов.

– А ничего хорошего! – вклинился в разговор взъерошенный Вальзоват. Он внезапно возник у столика, склонился и, приплясывая от распиривших его новостей, зачистил: – Вы же об этих ненормальных? Вчера они напали на Чуллера! Прикиньте?! На Чуллера!

Редактор переглянулся с полковником. Гном Чуллер меньше всего подходил под объект нападения. Двухметровый дядька с татуированной лысой головой, переломанными ушами и огромной кучерявой бородой, теряющейся на фоне мощного тела. Рот дяди украшали два бриллиант-зуба, свирепо сверкающие при редкой улыбке. То есть одним своим видом Гном внушал уважение любому, даже хорошо употребившему дебоширу.

Но внешней свирепостью дело не ограничивалось. Чуллер, в прошлом профессиональный борец, сейчас возглавлял охранное агентство «Гомо сапиенс протекция, мы лучше роботов» и поддерживал форму постоянными тренировками. Свирепая пластика чувствовалась в каждом его движении, заставляя окружающих угадывать его маршрут и уступать дорогу. Он часто заходил в «Матовый глянец» и всегда удивлял редактора сильнейшим диссонансом внешнего образа и внутреннего содержания – на самом деле Гном был очень рассудительным и достаточно добрым дядькой, немного прямолинейным и не склонным к юмору. Что, впрочем, было понятно уже по названию его фирмы.

И вот такого персонажа «молчуны» выбрали для своего непонятого преследования. Вальзоват только что не подпрыгивал от бушевающих его эмоций.

– Нет, вы можете себе представить?! Значит, так, рассказываю. Сидит себе Чуллер, в приличном месте, кстати, на бульварах, дела решает. К нему подходит хлыщ и начинает рядом

тусовать, в кружку заглядывать. Гном ему по-хорошему: «Сгинь», – тот ни гу-гу. Гном встает и вежливо его так в сторону отодвигает, ну вы знаете Гнома, даже не порвал ничего! Только отвернулся, а хлыщ ему взял и на спину плюнул! А...

– Подожди, – перебил Разуто. – Как плюнул?

– Слюной, как! – на мгновение сбился Вальза и взахлёб продолжил: – Смачно так харкнул! А Гном, значит, был весь при параде, пиджак новый, из химчистки, он же дела решать прибыл...

– Вальза, подожди, не части! – потребовал Разуто. – Так у него рот не заклеен был?

– У кого? У Гнома? На хрена? Он же на переговорах!

– У парня! У того, кто к нему подошёл.

– Не, но молчал как немой! И когда Гном им спину вытирал, ни звука не курлыкнул!

И пока, значит, Гном его так воспитывал, такой же клоун, наверно друг егойный, на собеседника Гнома выливает кувшин сидра! И не убегает, понял?! Гном к нему! Пока второго ронял, первый ещё один кувшин берет и на этого же мужика – на! А мужик серьёзный, Гном с ним по охране тёр, у того склады за городом! И тут два литра на плешь – и сидит обтекает. Гном, конечно, гадов уложил, но договор с ним так и не подписали! Какая тут охрана, когда два кувшина на плешь! Вот правильно мы с тобой, редактор, этих сволочей завалили, я Шокулям уже объяснил – мало мы им вломили!

Редактор усмехнулся этому «мы».

– Стеш! – снова подпрыгнул Вальзоват, заметив вновь прибывшего Стеша Сотникова. – Ты за Чуллера слышал?!

И он побежал удивлять своим рассказом нового слушателя.

Редактор посмотрел на полковника:

– Вот тебе и молчуны.

– Не факт, что это те же самые, – пожал плечами Пол. – Может, это конкуренты Чуллера подставили?

– Так по-дурацки?

– Ну, своего-то они добились. Многим метод не важен, если результат устраивает.

– Ну не знаю... – покачал головой редактор. – Уж слишком как-то... Ты сегодня какой-то чересчур задумчивый. У тебя-то всё нормально?

– В целом да.

– А в частности?

– В частности... – протянул Грач. – У тебя никогда доступ к счетам не перекрывали?

– У тебя неприятности с налоговой?

– Да нет, – покачал головой полковник. – Я исчез из базы данных банка.

– То есть? – не понял Разуто.

– Какой-то информационный сбой. Как усугубление – смена операторского коллектива.

Неприятное совпадение.

– Подожди, подожди. То есть ты пришёл в банк, а тебя спрашивают: «А ты, собственно, кто?»

– Сначала обнулили доступ. А затем уже спросили.

Разуто примерил ситуацию на себя, и ему немедленно захотелось проверить доступ к счетам. Но он сдержался и сделал несколько глотков из кружки.

– Это какой же банк такое исполняет?! Подожди, это филиал «Лепрекона»? Я слышал, у них проблемы...

– Если бы. У этого всё в порядке. Если, конечно, меня не считать.

Он задумчиво посмотрел на редактора и внезапно продолжил:

– Помнишь наш спор о свободе?

– О какой свободе? – не смог переключиться Разуто.

– Пару лет назад, на тезоименитство. Ты утверждал, что свобода и ограничения несовместимы, а мои доводы о дисциплинарных рамках относил к профессиональной деформации личности.

– Сдать анализ на ветерана я тебе постоянно предлагаю. И что?

– Тогда ты утверждал, что свобода человека ограничена только его фантазией. То есть если человечество может что-нибудь придумать, то вполне вероятно, что когда-нибудь сможет обосновать необходимость этой фантазии, меняя правила и изменяя границы морали. Пусть в момент фантазии это смотрится диким и противоестественным. Меняющиеся правила и дают как раз толчок прогрессу. А дисциплина, мол, отменяет прогресс.

– Ну, в твоём изложении это слегка банально, но на меня похоже. Особенно накануне праздника. Так к чему ты это?

– Просто вспомнилось. Эти молчуны, твой сумасшедший продавец, банк... Любой собой – это последствие дисциплинарного нарушения. Так вот, похоже, побеждает фантазия.

– Да-а, – протянул Карл и похлопал полковника по плечу. – Банк – это серьёзно, куда уж здесь молчунам... Это же основа нашей цивилизации. Пол, если нужно перехватиться средствами, я помогу.

Полковник поблагодарил, но отказался. После чего посмотрел на часы и, пообещав зайти среди недели, попрощался. Как только он скрылся из виду, редактор достал коммуникатор и открыл банк-клиент. Все счета отображались и были доступны. К пиву вернулся вкус. Для того чтобы его закрепить, редактор заказал ещё одну кружку.

Он посидел ещё какое-то время, пообщался с компанией преподавателей, после чего расплатился за себя и уже «тёплого» Лорка. Механик исполнил свой коронный фокус – субсидируемые напитки он поглощал с космической скоростью.

– Аттракцион закрывается, – похлопал он механика по плечу. – Я ухожу.

– Это правильно, – закивал Лорк, – Что же, я, особь ты щедрая, берегов не вижу? Лорк человек порядочный: угостил – получай спасибо. Бывай, редактор, провожать не буду.

– Договорились, – кивнул Разуто и, попрощавшись с компанией, покинул уютное заведение.

* * *

Вечер был хорош для неторопливой прогулки. Опьянение было минимальным – опытный Разуто пива выпил в самую меру и остановился, когда напиток все ещё нравился. Самое время насладиться размерностью субботы и не срезать углы через унылые переулки, а совершить променад по длинному кругу, шевеля листвой на набережной, любуясь с моста стылým течением и слушая скудный поток автотранспорта на федеральном проспекте.

Настроение, подлая штука, было хорошим. Разуто не переживал о полковнике, он был уверен – Пол разберётся. Этот не жертва. Карл неторопливо вспоминал художественные постановки об обиженных когда-то и кем-то ветеранах и не мог вспомнить ни одного сюжета, в котором правильный ветеран утёрся, всхлипнул и поковылял в сумрак забвения. Весь тиражируемый медиаряд не позволял ветерану это сделать – это оскорбило бы возвращённого на шаблонах зрителя. Что ждут зрители от правильного ветерана? Как минимум вздёрнуть обидчика на сосну, разнести дома вторично ответственных, а затем отстреливаться с какой-нибудь крыши. Как максимум – заехать на гусеничном ходу в президентский дворец, вздёрнуть кого-нибудь там (вздёрнуть – это обязательно), а затем хунта, диктат и самому быстренько стать самым отрицательным. В пределах искусства у ветеранов не было альтернатив.

А вот если бы из базы данных вычеркнули Разуто, ему бы стрелять было непозволительно – этого бы не оценили. Неправильный метод решения для гражданского образа. Правда, стоны о несправедливости и жалобные письма по инстанциям тоже бы освистали. Не та фактура.

И на фига же такой тут такой седой и высокий? Пожилой редактор должен был оправдать надменную внешность и достать из-за пазухи ещё одну кубышку. Или, усмехнувшись, замутить такую медиасуматоху, что банк сам дописал бы к его восстановленному счёту пару нулей.

– Жертва собственного клише, – вздохнул Разуто и улыбнулся.

За этими рассуждениями Карл незаметно для себя прошел набережную, пересёк мост и, следуя изгибам освещённой аллеи, вышел к Федеральному проспекту. Проспект нависал над старыми кварталами бетонной эстакадой и шумел над головой малочисленным трафиком. На углу аллеи была одна из любимых скамеек редактора – сразу за ней за небольшим заборчиком размещалась маленькая кондитерская, работающая допоздна. В кондитерской всегда можно было прикупить что-нибудь горячее и терпкое в картонном термостакане, разместиться на скамейке и неторопливо выкурить сигару, запивая аромат хорошего табака. А ещё Карлу нравился вид, открывающийся со скамейки, – калейдоскоп, составленный из остатков аллеи, возвышающихся над деревьями крыш старых кварталов, и нависающий над ними монолит эстакады.

Карл, по рекомендации и не вникая в ингредиенты, купил большую порцию «Альтернативы осени», устроился на скамейке и достал «бейби кинга», маленькую, но толстую сигару любимого им сорта «Каравелос-дукс». Раскурив малыша, он с удовольствием сделал несколько затяжек, потянулся за стаканом и замер.

Под скамейкой лежал саквояж банковской инкассации. И явно не пустой.

9. Варианты отсутствия выбора

Выдержка из протокола совещания страховой компании «Простойствие».

Участники:

- руководитель узла филиальной сети;*
- сотрудник отдела программного обеспечения центрального офиса;*
- директор местного филиала.*

Директор филиала: ...и эти случаи не отражены в стандартном протоколе. Сотрудники филиала вынуждены отражать их в примечаниях.

Сотрудник центрального офиса: А вы что, не в курсе, что примечания алгоритмом не обрабатываются?!

Директор филиала: И не влияют на коэффициент. Да, я в курсе.

Руководитель узла: Господин Арба, значения коэффициентов и без этого по вашей области зашкаливает. И меняют ставки в близлежащих округах. Без малейшего подтверждения в стандартных оценках.

Директор филиала: Значит, нужно расширять протокол и менять алгоритм оценки.

Сотрудник центрального офиса: Но, но! Давайте так, господа: вот как аксиома, алгоритм безупречен. Вы хоть представляете уровень его сложности? И стоимость хотя бы минимального вмешательства? Эта программа умней нас всех вместе взятых и обучается. Непрерывно обучается! И если она посчитает необходимым изменить протокол, то это будет сделано незамедлительно, можете мне поверить!

Директор филиала: Так почему не изменяет? Может, недостаточно умна? Или её адепты примечания втолковать ей не могут?

Сотрудник центрального офиса: А может, это вы там у себя простейшие протоколы освоить не в силах?!

Директор филиала: Может, и мы. Извелись уже, как бы это вашей программе статистику не засрать.

Сотрудник центрального офиса: Да вы инструкцию читать научитесь, а потом уже...

Руководитель узла: Стоп, давайте конструктивно. Господин Арба, вы можете дать оценку происшествий, не вмещающихся в основной протокол? Просто и по пунктам?

Директор филиала: Что ж, попытаюсь... Просто из отмеченного. Отключение автоматки. Это повсеместно, большинство случаев. Мы уже, кстати, месяц как просим внести запрет в договор страхователя. Затем... Нарушение правил дорожного движения. Точнее, полное или пренебрежение. И если раньше такие случаи сопровождалось сетевой активностью участников – выкладывали свои «подвиги», уроды, гордились, то сейчас... В последних инцидентах отмечена минимизация социальной активности. То есть до нуля. Не знаю, имеет ли это значение, но тенденция такая имеется, а прогнозом стабильности это не учитывается. Ну и другое... Посмотрите и объясните, как правильно описать это в примечаниях, чтобы до всех наконец дошло!

В протоколе возникает видеосъемка места происшествия – два электромобиля столкнулись лоб в лоб, явно на большой скорости. Камера приближается к одному из разбитых участников.

Через покрытое трещинами стекло видно тело, распластанное на торпеде среди последствий сработавших систем безопасности. Изображение фокусируется, и проявляется лицо водителя. Его глаза завязаны ярким шарфом.

Сотрудник центрального офиса: Он что, debil?! И вот из-за такого дебила вы хотите влезть в алгоритм и внести изменения в статистику оценки?

Директор филиала: Не из-за такого. Из-за таких.

В протоколе отмечено ещё несколько видео, где виновники аварий были с завязанными глазами. В последнем фрагменте окровавленный участник самостоятельно выбрался из-за руля и радостно ощерился в камеру:

– Две минуты четырнадцать секунд! Не подвёл! Он меня не подвёл!

– Ну вот и счастье подвалило.

Редактор взял стакан, сделал глоток и незаметно осмотрелся. Прохожие были, но это были именно прохожие – никто открыто за ним не наблюдал.

– И зачем, интересно, я осматриваюсь? – спросил сам у себя Разуто. Вздохнул и ответил: – А потому что.

Он затаился сигарой и, откинувшись на спинку скамейки, попытался сосредоточиться на том, чтобы выдыхаемые кольца получались хотя намеками на фигуру тор.

Забавная ситуация. Вот вроде не дурак, одного медиаконтента по сорок часов в неделю просматривает, образование, опыт, солидное положение, пусть и не в блестящем обществе, а все одно первая мысль, приходящая в голову: «Хватай!» Причём это не мысль даже, а взрыв древних инстинктов, сдетонировавших на внешний вид, пусть и с совершенно неизвестным содержанием. Хорошо хоть тело уже не так подвижно, и для выполнения любой команды ему нужно предварительно размяться. А то так и очнулся бы с сумкой в руках и тревожным взглядом по сторонам. И ладно бы, коль в сумке тротил с датчиком движения – разнесло бы в щепы, и никакого позора дальше. А если в ней старое бельё инкассатора?

Ситуация была хороша тем, что не подразумевала под собой никакого выбора. Брать – глупость. Оставить? Чтобы потом вспоминать, представляя себе несметное, и вздыхать? Не вариант. Поэтому нужно вызывать уполномоченных и указывать им на забытый предмет. Это единственное разумное, позволяющее не мучиться в дальнейшем. Наоборот, гордость за собственную честность вырастает прямо пропорционально ценности сданного предмета. Вплоть до лопнувшего либидо. Так что размышлять здесь было не о чем. Интересно было теоретически пофантазировать над вариантом «взять». Ну, если, допустим, край как надо.

Итак, сумка из банка. Наполнение её грязным бельём, тротилом и любым другим не совпадающим с этикеткой мусором не рассматривается. В сумке ценности. Безусловно огромные, но согласно объёму. Естественно, с датчиками слежения, скрытым сюрпризом на вскрытие и безусловным владельцем, который её ищет. Или ждет возможности её забрать. Смысл мероприятия – кража, выкуп, взятка (в банковской сумке, ага), теневая инвестиция – не важен. Просто пожилой интеллигент в так себе физической форме попал в короткое окно возможности стать владельцем чего-то ценного, размещённого под его скамейкой. Его действия?

Редактор переставлял действия «теоретического интеллигента» и так и сяк и не видел для него возможности выбраться на сушу сухим и спокойным. Камеры, позиционирование коммуникатора, отсутствие способности бежать на длинную (и любую короткую) дистанцию и адресов, где затаиться, навыков скрываться и не обращать на себя внимание... И это далеко не полный список. Короче, неплохой сюжет. Допустим, товарищ дурной и алчный, он начинает петлять, как заяц, и путать следы. И допустим, его сразу не нашли – попробуй поймай дурака такого, – всё старое забросил, так петлял. Скрылся. И тут выясняется, что содержимое чемоданчика не покрывает стоимость лечения насморка при условии отсутствия медицинской

страховки. А к новым документам, оформленным с суровыми приключениями и за четверть содержимого, не прилагается социальный пакет. А друзья, дряхлые консерваторы, кроме как сдать, ничего не предлагают... А бдительная супруга уже переоформила коммунальные расчёты. И вот пожалуйста вам, новый либерал – с подагрой и лютой ненавистью к любой бюрократии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.